

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Кончаков Р.Б.

**Система расходов элиты в России в период
«вестернизации» (xviii – xix вв)**

Москва 2017

Аннотация. В работе предпринята попытка выяснить, объясняют ли особенности системы расходов российской элиты в XVIII – XIX вв. специфику социально-экономических процессов в российском обществе этого периода в контексте «вестернизации».

Кончаков Р.Б. старший научный сотрудник лаборатории прикладного исторического анализа ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2016 год

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1 Особенности ведения разных типов приходо-расходных книг, в которых содержится информация о бюджетах элит.....	5
2 Анализ современной историографии проблемы.	9
3 Выявление и описание стратегий расходов российских элит в XVIII-XIX вв.....	19
4 Реконструкция рациональности/нерациональности экономического поведения российской элиты.	45
5 Экономическое поведение российской элиты периода «вестернизации»	57
6 Отношение российской элиты XVIII- XIX вв к долгам.....	70
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	83
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	86

ВВЕДЕНИЕ

Объект исследования данной работы: экономическое поведение элиты российского общества в период «вестернизации» (XVIII – XIX вв.)

Экономическое поведение элит оказывает важное влияние на состояние социальных и экономических структур государства. Рассмотрение детерминант и последствий экономических решений на микроуровне конкретных представителей российской элиты XVIII-XIX вв. позволит существенным образом скорректировать распространенное представление о русском дворянстве, как о сословии, погрязшем в долгах (Доминик Ливен и др.). Анализ расходов дворянства в контексте «вестернизации» позволяет выйти на комплекс актуальных проблем, связанных с особенностями трансформации экономического менталитета элит в переходные периоды. Последнее позволяет поставить вопрос о выявлении черт преемственности в действиях российской элиты, сопровождающих модернизационные трансформации российского государства и общества.

Кроме того, актуальность проблематики исследования определяет и широкое обсуждение в кругах профессиональных сообществ и публичном пространстве роли феномена «вестернизации» в истории России.

1 Особенности ведения разных типов приходо-расходных книг, в которых содержится информация о бюджетах элит

Под финансовой документацией мы понимаем различные приходо-расходные книги, дела о погашении долгов, в частности Романа Илларионовича Воронцова и Якова Ивановича Булгакова, книги о доходах по имениям, составлявшихся в домовых канторах Воронцовых. При этом при работе с документами домовых кантор важно помнить замечание В.П. Куракина, высказанное Ивану Ивановичу Барятинскому в 1817 г. «Граф В.П. Кочубей, бывши у меня в Париже, рассказывал мне однажды, что люди его подносят ему завсегда прекраснейшия о доходах годичныя Табели, но что на поверку выходит что он едва и две трети из показанных в них к получению сумм – действительно получает; каковой со стороны людей беспорядок и худое смотрение за взысканием долженствующих выходит по учетам в наличности денег – я надеюсь у меня никогда не случится, а особливо под благодетельным покровительством над имением моим Вашего Высокопревосходительства, ибо я уверен, что люди мои боятся вас столько же, или еще и больше нежели меня самого, и не осмелятся показывать в Табелях своих мнимых доходов.» [1] (по контексту письма похоже, что речь идет о невзысканных недоимках, именно поэтому мы в первую очередь будем работать с приходно-расходными книгами дворян, в которых фиксируются уже полученные и потраченные суммы).

Исходя из контекста работ по 17 веку, не похоже, что приходо-расходные книги регулярно велись ранее 18 века.

Книги, которые велись самими дворянами, и в которых вносились полученные и потраченные ими деньги могли быть в форме книг прихода и расхода денежной казны, записных книжек, листов с расчетами. В нашем случае речь пойдет преимущественно о приходно-расходных книгах Михаила Илларионовича Воронцов[2], Александра Романовича Воронцова [3], Екатерины Алексеевны Воронцовой, Александры Васильевны Браницкой и записной книжке и расходных книгах Якова Ивановича Булгакова [4]. Насколько нам известно, комплексному изучению они не подвергались, поэтому постараемся ответить на вопрос:

Насколько приходо-расходные книги можно назвать «честным» источником?

В нашем случае все изучаемые книги велись самими дворянами. Но были случаи, когда встречаются и черновой документ, и писарская копия, например у Михаила Илларионовича [5] и Александра Романовича [6] Воронцовых, Александры Васильевны Браницкой [7].

В случае с Михаилом Илларионовичем писарская копия содержала арифметические ошибки, которых не было в черновом варианте. У Александра Романовича и Александры Васильевны записи о расходе денежных средств в черновом варианте и в писарской копии полностью соответствуют друг другу. Вопрос: зачем создавались писарские копии? Просто для аккуратного ведения документации? Или предполагалось, что они могли быть кому-то показаны?

Почему дворяне вели эти книги, было ли это вызвано внутренней потребностью, или было выработанной привычкой, под влиянием того же процесса европеизации? Не претендуя на окончательное решение вопроса, обратим внимание на следующие моменты.

Нам неоднократно встречались тетради, или листы, которые можно рассматривать как единую тетрадь, в которых дворяне записывали приход и расход деньгам, как правило в хронологическом порядке, без определенной формы в 1730 - 1740-х годах 18 века¹. Регулярно велись документы о приходе и расходе различных сумм по имениям дворян ранее второй половины 18 века. Сама идея ведения подобных документов не была новой для дворян второй половины 18 века.

Другое дело, что наши персонажи вели эти книги регулярно: ежемесячно, подводя итог в конце года. Иногда мы видим расчеты планируемых доходов и расходов [8]. Кажется, что выработка самой привычки регулярной записи расходов как у Александра, так и у Семена Романовичей Воронцовых могла быть связана с тем, что в молодости они должны были отчитываться о потраченных суммах во время путешествий, чего требовал отец. «Еще во время пребывания сына в Париже Роман Илларионович написал ему: «Знай, что по приезде твоём я во всем потребую отчета, а для этого должен иметь верную книгу для записи своих расходов». «Верную книгу» Александр завел и мог отчитаться перед отцом за каждый истраченный рубль» [9]. Насчет отчета за каждый истраченный рубль – это, мне кажется, авторское преувеличение. В своем отчете по результатам поездки Александр Романович пишет, «да сверх того вояжи, парижские посылки, спектакли

¹ См. например записную книгу Пазухина НИОР РГБ

и всякие мелкие расходы, кои изчислить нельзя дойдет до 1200 ливров»[10], что составляет 6 % от общей потраченной суммы (19108 ливров). Верный счет и отчет содержал какой-то процент расходов, который не расписывался, но учитывался. По счету Александра Романовича из Парижа самые маленькие зафиксированные суммы составляют 12 ливров («барабанщикам, которые пришли поздравлять», «перукумахерам дано» и т.д.), что приблизительно равнялось 3 серебряным рублям². Действительно ли расход был мелким который нельзя упомянуть, или этот расход не стоило писать, потому что он мог быть расценен как «неправильный», сказать сложно, но Александр Романович постарался итоговую сумму представить полной, несмотря на то, что отдельные расходы не расписал.

Те книги, которые являются объектом нашего исследования, скорее всего велись для себя, и принимая во внимание, что почти в каждой книге есть подсчет в конце года можно предположить, что это не была фикция. Основаниями для предположения, что книги велись для себя служат следующие факты. Во-первых, они как правило, имеют черновой вариант, составленный дворянином. Во-вторых, возможно, что именно приходно-расходные книги выступали доказательством в денежных спорах, на них могли ссылаться, но доказательствами могли быть только расписки, векселя и т.д. В-третьих, вопрос о целях и характере создания этих книг может быть прояснен, если определить все ли виды расходов записывались, т.е. включался ли «неудобный» расход.

Что может быть отнесено к категории «неудобного расхода»? Карточные долги например фиксировались. У Якова Ивановича Булгакова фиксировались расходы на женщин. Но говоря о расходах на женщин, нужно сказать, что расходы на них зафиксированы в Записной книжке, которую, по всей видимости, не предполагалось кому-то показывать. Ни в одной приходно-расходной книге Александра Романовича не показаны, например, расходы на женщин, были ли у него эти расходы, и почему они не зафиксированы прямо? Может это как с расходами в Париже, идет запись до каждого рубля, при этом точная статья расходов не называется, может это фиксировалось как мелочный расход или расход в кошелек. В этой связи обращает на себя внимание расходы Александра Романовича 1790 года. Почти сразу после ареста Александра Николаевича Радищева (30 июня) в его

² По крайней мере такой курс был у Растрелли (<http://18century-ru.livejournal.com/>) в 1716 году, и в середине 18 века в Крыму (Шарль де Пейсоннель).

расходной тетради стали появляться записи о расходах для семьи Александра Николаевича.

Отношение к самой практике ведения подобных книг в среде дворянства того периода в целом, не очень ясно. Так, Василий Борисович Голицын пишет к брату Владимиру Борисовичу 21 сентября 1770 г.: «хвалное самое дело, делать изволите, што вы верной щот доходам и расходам свои ведете, што и должность хазяйства есть; Так разумею на што и вы согласны есть я чай и что и другим нада тем же ползоватца; щот вы свои верной имеете согласен; а з другими краино неверно щитатца изволите» [11]. Из этой фразы явствует, что сам Василий Борисович подобных записей не вел. И в качестве доказательств тех или иных финансовых операций использовал письма или честное слово, о чем он неоднократно пишет. При этом Василий Борисович как управитель деревень подписывал необходимые ведомости о приходе и расходе сумм по имению, но сами документы не вел: «... а так как управитель кали благодарности нет то штоб вперед нарекания не иметь, а в достоуверение оного можете обо всем справитца по приходам и расходам подписанным маеи рукою и з бурмистром...» [12]. Т.е. сама практика была ему знакома, но она не была перенесена в сферу личного опыта.

Важно, что судя по контексту того же письма Владимир Борисович Голицын ссылаясь на свои книги прихода и расхода денежной суммы в качестве доказательства получения денег. Но это была частная переписка.

Приходо-расходные книги, как нам кажется, активно функционировали в повседневной жизни дворянина. Наверно, подтверждением востребованности книг прихода-расхода денежной казны для дворян может стать тот факт, что на протяжении второй половины 18 века форма приходо-расходных книг эволюционирует в сторону усложнения и подробности.

По нашему мнению, даже если мы не все понимаем в природе функционирования приходо-расходных книг, они могут рассматриваться как «честный источник», который демонстрирует модель поведения дворянина, поскольку создавался для себя. Он может позволить нам понять источники дохода дворянина, что он таковыми считал, и направления его расходов.

2 Анализ современной историографии проблемы.

Роскошный образ жизни и огромные богатства российских вельмож конца XVIII века – это устойчивый образ, распространенный как в науке, так и в художественной литературе. При этом, по мнению Доминика Ливена, именно в XVIII веке, точнее во второй его половине, проходило складывание крупных состояний, так как «допетровская Русь не могла стать плодородной почвой для упрочения крупных личных состояний» [20]. Время формирования огромных состояний российских аристократов и создания устойчивых представлений об их богатстве совпадает по времени с процессом Европеизации, шедшим в это время в России. Насколько эти процессы были взаимосвязаны? Что являлось первопричиной: сформированные крупные состояния позволяли успешно адаптировать европейские практики, или наоборот под влиянием знакомства с европейскими практиками и финансовыми институтами, произошло формирование крупных состояний, была ли вообще связь между этими процессами? Влияло ли увеличение размеров дохода, или по крайней мере, если не самого дохода, то денег в семье, на повседневные практики дворянства, если да, то как? Каков был размер задолженности дворян, и на что шли огромные денежные ресурсы, появившиеся благодаря дворянским займам: на европейский образ жизни или в новые экономические предприятия [21]?

Ответы на эти вопросы находятся, на наш взгляд, в поле исследований экономических аспектов Европеизации, которая изучена явно недостаточно. Пожалуй, ключевой работой по сей день остается эссе Аркадиуса Кахана [22], именно поэтому остановимся на основных выводах его работы.

Во-первых, под Европеизацией он понимал «the modernization of technology, the development of new institutions and efficient administration, and the cultivation of more refined tastes. It means education and conspicuous consumption. Furthermore, the term connotes the firm commitment of the gentry to behave according to an accepted standard, however defined; failure to conform entailed the risk of losing a share in the social privileges of the group». Такое представление о Европеизации помогает исследователю определиться с направлениями расходов дворян (образование, демонстративное потребление предметов роскоши, путешествия³). А. Кахан

³ О путешествиях в этом абзаце он не пишет, но далее он обращает на это внимание.

подчеркивает необходимость для дворян определять свои расходы в соответствии с принятыми в обществе стандартами.

Во-вторых, он определил в абсолютных величинах доходы дворян, а также долю их доходов, которая могла идти на потребление предметов роскоши в конце 18 века. Постулировав, что основной доход дворянина шел от его сельскохозяйственной деятельности и зависел от числа принадлежавших ему душ, он определил размер ежегодного дохода дворянства в 1795 году (пятьдесят миллионов рублей). Сравнив полученную цифру с размером стоимости ежегодного объема импортных товаров в 1793 – 1795 гг., которые приобретались в основном дворянством (18 млн. рублей), он пришел к выводу, что только дворяне, имевшие в своем владении более 45 душ могли позволить себе приобретать предметы роскоши [22, с.46]. Тем самым основная нагрузка по потреблению предметов роскоши ложилась на крупное дворянство.

В-третьих, он считал, что увеличение реального дохода было одним из ключевых факторов экономической и политической деятельности дворянства в 18 веке. А. Кахан в качестве возможных источников называл: увеличение оброка, участие дворян в учреждении промышленных предприятий. Но на его взгляд, предпринимаемые усилия были явно недостаточными⁴ [22, с.46].

В-четвертых, по его мнению, государство субсидировало дворянство как в форме государственных займов, так и в форме банковских кредитов под незначительный процент, и в этом оно не отличалось от других континентальных государств, решая по своему выбору, кого поддержать⁵. И именно поддержка государства помогала дворянству достигать своих целей, целей которые во многом совпадали с целями государства по вестернизации высшего слоя дворян.

В-пятых, государственная «помощь» сохраняла значительную дисперсионность дворянской среды и противоречила, процессу вестернизации,

⁴ We may, therefore, conclude that "Westernization" of the gentry required a level and pattern of expenditures that necessitated a substantial increase in its real income. The gentry's pressure for higher incomes thus becomes one of the major features of its economic and political activity in the eighteenth century. The demands for higher incomes or new sources of income were intensified by the trend toward fewer serfs per gentry household ; this was probably not a threatening development, since no attempt was made by the gentry to revive the issue of primogeniture

⁵ Subsidies to the gentry, either in the form of direct government grants or bank loans made at a nominal rate of interest or on insufficient security, were by no means a purely Russian phenomenon. They were common in most countries on the Continent. It was also the arrangement and policy of most governments that they reserved to themselves the discretion to decide who among the gentry ought to be the recipients of the subsidies. The Russian state (as represented by the ruler and government) was manifestly not indifferent to the aspirations of the gentry to increase its income.

который мог иметь выравнивающий эффект на распределение политической и экономической власти в России в 18 веке. [22, с.66]

Таким образом, можно сказать, что А. Кахан считал поведение дворян рациональным, их доход, сформированным понятным образом, государство, движущей силой европеизации, своими деньгами поддерживающим потребности дворян в ведении «европейского образа жизни», которые кстати им же и было сформировано через стандарты придворной жизни, предметами роскоши - привозные товары.

Построенная стройная картина очевидно нуждается в корректировке.

Методологически Кахан исходил из презумпции рациональности в поведении дворян⁶ [22, с.65], но последние исследования в области бихевиористской экономики ставят под сомнение этот тезис [23; 20]. Рациональное поведение предполагает, что для человека один рубль равен другому рублю, но исследования показывают, что деньги, полученные из разных источников, имеют для человека разную ценность [25]. Например, Р.Талер среди принципов, несоответствующих рациональному поведению, описывает принцип *integrate losses* [23, с.17-18], когда люди стараются свести все свои мелкие долги в одном месте, тем самым сформировав один, но большой долг. Исследование Р.Талера построено на современном материале, но есть все основания считать, что и во второй половине 18 века эти принципы уже работали. Все ли нет ли – это надо изучать, но указанный принцип *integrate losses*, точно работал, по крайней мере для части дворянства. И в письма Василия Борисовича Голицына от 9 сентября 1770 г. он прописан вполне внятно: «...долк чтоб мне не так по мелочи и в разных местах быть должну и в адно время оной свесть...» [11, с.22]. Как влияло на формирование потребительских стратегий дворян ментальное бюджетирование, если вообще влияло – на этот вопрос будет предпринята попытка ответить в этой работе.

Выводы и предположения А. Кахана сделаны на общероссийском материале, но не секрет, что степень и глубина исследований по российской экономической истории второй половины 18 века явно недостаточна, поэтому любые выводы делаются с определенными допущениями. Например, не известен точно размер дохода, получаемого дворянством от имений [20, с.40], и как он менялся, в целом не

⁶ ... the gentry behaved with economic rationality ...

всегда прозрачны источники получения денег, поэтому любые построения, отталкивающие от размера дохода, выглядят немного схематичными.

Задача данной работы – на основании финансовой документации дворянина определить стратегии получения доходов и распределения расходов во второй половине 18 – начале 19 веков в условиях усложнения финансовой инфраструктуры.

Такая формулировка задач подразумевает уточнение понятия «потребления» в качестве ключевой дефиниции исследования.

Социальные эмуляции и имитации являлись излюбленными методами для объяснения важности потребительской культуры, будь то Китая или Европы. Среди книг, затрагивающих изучение потребления в Европе, главной можно назвать «Цивилизационный процесс» Норберта Элиаса [30]. В книге рассматриваются поведенческие изменения светских высших классов, такие как столовый этикет - поведение за столом, употребление в пищу мяса, обзор куртуазного общества, манеры, дальновидность и само-ограничение. Они распространяются по большому числу направлений и дают понимание того, что Элиас называет «цивилизационным процессом»⁷. Главным влиянием Элиаса на исследования потребления было создание «теории просачивания благ сверху вниз» через подражание⁸. Многие теории приняли предположение о том, что низшие социальные классы имитировали элиту. К примеру, основываясь на этой теории, Нил Маккендрик утверждал, что «"девушка с мельницы", которая хочет одеваться, как герцогиня» была формой спроса, влияющей на потребление в Англии восемнадцатого века [31]. Модель Элиаса не была просто материальной. Приобретение различий, манер и образа жизни рассматривалось единым, как он называл "цивилизационным", процессом, и некоторые ученые следовали его примеру в изучении "респектабельности" в Англии восемнадцатого века. Маккендрик стремился объяснить социальные преобразования, происходящие в Англии восемнадцатого века, настаивая на том, что традиционный подход к производству товаров показывал только половину картины. Он отошел от давнего дискурса о промышленной революции к тому, что он называл «потребительской революцией». Маккендрик рассматривает историю коммерциализации моды восемнадцатого века в качестве основного маркера изменений. Он постулирует два вывода, которые ставились под вопрос другими учеными с момента публикации его работы в 1982 году [32]. Первый заключался в

⁷ “the civilizing process”

⁸ the “trickle-down theory” of imitation

том, что потребительская революция была внезапным разрывом с прошлым, а второй, что эта революция произошла в восемнадцатом веке, главным образом в Англии [33]. Одна предпосылка была принята единогласно: мода и коммерциализация остаются ключом к определению потребительского общества.

Именно в Англии родилась традиция изучения потребления. Новаторская работа Мак-Кендрика утверждает, что потребление в современном значении этого слова сформировалось в Англии в 18 веке. Среди приверженцев происхождения понятий потребления в Раннем Новом времени можно выделить еще двух коллег, которые плодотворно работали с ним по направлению «рождения общества потребления». [31] Книга «Потребление и мир товаров» внесла большой вклад и изменила само направление исследований, благодаря тому, что среди ученых, занимавшихся этой проблематикой, появились такие исследователи, как Ян де Ври[32]. Он постулировал другой начальный момент в развитии потребления в мире – длинный семнадцатый век в Голландской республике.[33] Такие исследователи, как Максенберг и Элизабет Эггер склонялись к тому, что именно Англия восемнадцатого века стала поворотным моментом в формировании самой идеи потребления.[34] Потребление набивного ситца из Индии и из ситца местного производства рассматриваются как ключевой элемент для обоснования процесса трансформации. Но даже отдельно для Англии рождение потребления постулированное МакКендриком в восемнадцатом веке является спорным. Так Линда Леви Пэк нашла убедительные доказательства существования консьюмеризма в Англии в семнадцатом веке [35]. Начало рождения консьюмеризма в Европе и в дальнейшем подвергалось удревлению исследователями итальянских городов. Так, Эпоха Ренессанса также может рассматриваться как время рождения современного общества потребления, с центром в Италии.⁹ Серьезные исследования Эвелин Велч о торговцах и торговле в этот период приводят убедительные доказательства, что консьюмеризм уже существовал и процветал в пятнадцатом веке. [36] Если предположить, что это правда, и Фернан Бродель был первым, кто сфокусировался на исследовании материальной жизни, и школа Анналов занималась

¹ ⁹ Richard Goldthwaite, *Wealth and the Demand for Art in Italy, 1300–1600* (Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1993); Richard Goldthwaite, *The Building of Renaissance Florence: An Economic and Social History* (Baltimore: Johns Hopkins University, 1980); Chandra Mukerji, *From Graven Images: Patterns of Modern Materialism* (New York: Columbia University Press, 1983); Lisa Jardine, *WorldlyGoods: A New History of the Renaissance* (London: Macmillan, 1996); and Paula Findlen, “Possessing the Past: The Material World of the Italian Renaissance,” *AHR* 103, no. 1 (February 1998): 83–114; Paula Findlen, ed., *Early Modern Things* (New York: Routledge, 2012).

исследованиями, в основном, материальной культуры, то слово потребление не появляется во французской традиции исследования до Даниэля Роше.[37] В 1989 году Роше написал историю одежды задолго до того, как какие бы то ни было серьезные историки обратились к этому подходу.[38] Большинство исследований показывают, что семнадцатый век во Франции стал поворотным временем для утверждения консьюмеризма в этой стране. Я думаю, что эти примеры достаточно убедительно показывают, что рождение потребления, это не только неясный процесс, но и не линейный процесс до 21 века. Более того, он даже в самой Европе не был линейным. Каждое государство и даже каждый город имеют свою собственную историю, и делать какие либо обобщения достаточно бессмысленное занятие. История потребления это история непоследовательности. Даже для Европы требуется больше работы, для изучения потребления в крупных городах. Фокусировка на элите еще одна большая проблема, так как часто работы концентрируются на привычках состоятельных слоев городского населения. Поскольку история потребления большое внимание уделяет еде и одежде, региональные аспекты являются камнем преткновения для европейской истории потребления. Последние попытки решить вопрос истории потребления не для элиты были предприняты Анн Маккантс. [39]

Много споров ведется о социальной природе общества потребления. Эти споры отражают противопоставление буржуазной и аристократической природы общества потребления. Классический спор идет между Вернером Зомбартом, кто утверждает, что аристократы были моделью, и Максом Вебером, кто настаивает на буржуазной природе. В дальнейшем фокус на определенном обществе расширял наши представления о социальной природе. Так, например, те, кто исследовали революцию потребления в Британии в восемнадцатом веке, особое внимание обращали на зарождающийся средний класс. Те же, кто обращались к истории Франции, исследовали, в основном, аристократические корни общества потребления. Безусловно, попытка решить этот вопрос на данном этапе невозможна. Но размышление над ним помогает понять истоки современного потребительского поведения. Но один вопрос требует серьезного размышления, потребление – это исключительно западное явление, как большинство исследователей утверждают? Так Кеннетт Померанц утверждает, что потребление в Китае скорее свидетельствует о том, что в Европе вплоть до девятнадцатого века потребления в современном значении этого слова не существовало.

Торстон Веблен утверждает, что потребление существовало с самых ранних периодов существования культуры. Он проводит четкое различие между двумя социальными группами. [40] Он противопоставлял продуктивность промышленности девятнадцатого века, которая управлялась инженерами, паразитизму второй группы бизнесменов, которые получали прибыль только от эксплуатации потребления роскоши. Главной характеристикой второго класса, класса праздных, было демонстративное потребление, которое распространялось только на товары и услуги, потребление которых утверждало высокий уровень доходов. Сегодня использование термина потребления очевидно соотносится с Вебленовским определением девятнадцатого века. Термин потребление в экономике обозначает использование товаров и услуг в домохозяйствах. Экономист Джон Кейнс был первым, кто подчеркнул, что до девяносто процентов увеличения доходов любого домохозяйства будет тут же трансформировано в резкое увеличение потребительских расходов.[41]

Историки не только адаптируют достижения исследований в области экономики, но также привлекают передовые теории из области семиотики. Фердинанд де Сосюр был одним из основателей семиотики. Семиотика это средство используемое историками как способ классификации знаков и описания того как эти знаки используются в социальных коммуникациях. Сообщества людей должны договориться о значении знака, будь то слово, жест, объект или часть одежды. Со времен де Сосюра и некоторых других исследователей, которые независимо пришли к тем же результатам, современные историки вынуждены обращать внимание на проблему знака и его роль в коммуникации. Такие направления как психоанализ, структурализм, литературная критика – все они связаны с понятием знака и имеют дело с социальными ценностями. Семиология – это наука о формах с тех пор, как изучение значения не связывается больше с содержанием.

В 1950-х годах Роланд Барт наблюдал повседневную жизнь вокруг себя в Париже. Он взял на вооружение семиотику для изучения объектов, событий и образов, как коллективной культурной репрезентации. Со времен Роланда Барта это направление стало очень сложной и влиятельной рамочной конструкцией, для объяснения механизмов лежащих в основе системы «моды». Многие из его работ были опубликованы в журналах Мари Клер и Вог, и он был хорошо известен широкой публике. Кому-то, возможно, интересно, что читателям Мари Клер и Вог могут быть интересны тезисы таких сложных теорий. Его книга о языке моды

разделена на три части. Первая часть посвящена истории одежды. Вторая часть называется «системы и структуры». Третья часть «Мода, долги и интерпретация». И именно последняя часть показывает его силу как общественного интеллектуала, когда он пишет о Шанель и критикует хиппи за принятие бедности как стиля. Он говорит о том, что именно отражают эти мелкобуржуазные ценности вместо того, чтобы изменять их. В большинстве своих работ он заинтересован в том, чтобы продемонстрировать эстетику класса. Одна из самых интересных частей в его работе это анализ рецептов и картинок в женском журнале Эллль, называемая «искусная готовка». Барт анализирует фотографии еды, подчеркивая доминирование розового и светло-желтого цветов, рассматривая как именно еда украшена дольками лимона и веточками петрушки, для того чтобы скрыть что это еда. Он утверждает, что этот журнал создает стиль «шика» для своих читателей, которые в основном были женщинами из рабочего класса.

Барт остается одним из самых влиятельных авторов за свою книгу о моде. Мода это ключ к пониманию потребления. В своей книге он подчеркивает, как текст, всегда сопровождающий модные картинки, создает связь. Барта интересует, как система знаков создает не просто одежду или образ женщины, а абсолютно абстрактное представление о моде. Он утверждает, что мода – это независимая автономная система, которую можно нормализовать с помощью кода. Он определяет несколько уровней анализа: уровень кодирования в изображении, письменного кода и риторического кода.

Под влиянием идей Барта неомарксист Жан Бодрилар создал теорию потребления, в которой товары оцениваются не только исходя из их практической ценности, но и по их социальному значению и системе знаков. Функциональность объекта можно преодолеть, если он станет частью универсальной системы знаков. Он показывает, как объект является зеркалом, потому что представления, которые он отражает, не могут противоречить одно другому, поскольку отражают желания владельца. Он говорит, поскольку объекты отражают неврозы, это позволяет наделять их душой и делать их «нашими». Есть и другие теории, которые проясняют связь между личностью владельца и коллекционируемой или покупаемой вещью. Его работы являются попыткой понять структуру системы владения через анализ любопытства и дух собирательства.[42]

Пожалуй, наиболее универсальное определение культуры было дано другим антропологом, Клиффордом Гирцем, в его работе «Интерпретация культур». Гирц

определяет культуру, как «систему наследуемых представлений, выраженную в символических формах, с помощью которой люди коммуницируют, сохраняют и развивают свои знания и обусловленные взгляды о жизни».[45] По его мнению, каждая культура имеет определенные руководящие символы, которые антропологи должны расшифровать и интерпретировать. В начале своей карьеры, Гирц утверждал, что побуждение в осмыслении человеческого опыта и придании ему формы и порядка, является таким же насущным, как и биологические потребности. Это функционалистский взгляд на культуру, оставленный им в более поздние годы, когда он описывал сложность какого-либо адекватного описания объективной реальности. Влияние Гирца на общественные науки также беспрецедентно, как и его понимание сферы культуры. Его точка зрения, что человеческие существа «символизирующие, концептуализирующие, ищущие смысл животные», является наиболее широко распространенной и принятой среди социальных ученых.[46]

Одним из новейших аспектов, анализируемых в истории потребления является «потребление культуры». Историки рассматривали деятельность по потреблению культуры, как способ конструирования людьми социальных идентичностей. Во многих случаях эти исследования были вдохновлены немецким социологом и философом Юргеном Хабермасом, использовавшего для отображения формирования вежливой и информированной общественности Раннего Нового времени изучение роли таких публичных и частных организаций, как кофейни, частные салоны, газеты, книжные клубы и библиотеки. По мнению Хабермаса, буржуазное общественное мнение формировалось в культурных и социальных пространствах театра, художественной выставки и концерта. Частое посещение подобных культурных центров формирует социальную идентичность и идеи класса. Такой процесс преобразует искусство и культуру в объекты общественного потребления и в товары для купли и продажи.[47] Теории Хабермаса сыграли решающую роль в написании важной работы по истории потребления в Европе «Потребление культуры, 1600 – 1800: Изображение, объект, текст».[47]

Одним из основополагающих исследований, направленных на изучение истории потребления теоретически, было сделано Яном де Врисом в его книге «Трудолюбивая революция».[48] В первой главе о преобразовании потребительских желаний на протяжении долгого восемнадцатого века, он рассуждает о важности семьи как экономической единицы, которая взаимодействует с рынками. Он связывает идею Веблена о потреблении как социальном сигнале статуса со

стремлением к респектабельности, которое возникло в семнадцатом и восемнадцатом веках согласно Вудраффу Смит. До тех пор, пока потребители реагируют на акты потребления других, ни одна из точек пресыщения не может быть достигнута. Де Врис утверждает, что декомпозиция потребительского поведения на основные части дает только набросок динамической структуры потребительского спроса. Он утверждает, что необходимо избавиться от идеи пассивного потребителя и заменить его активным потребителем, который взаимодействует с массивом товаров, сигнализируя значение. Де Врис продолжает смотреть на комбинационные возможности доступных товаров и смотреть на потребительские наборы. Он ссылается на некоторые важные комбинации, которые кажутся для нас естественными, такие как чай в сочетании с сахаром. Связанные наборы могут относиться ко многим товарам; наиболее известный пример пришел из произведений философа Дениса Дидро.[48, с.33] Вскоре после того, как он заменил один из своих старых домашних костюмов на новый роскошный, Дидро обнаруживает себя, смотрящего на свой стол, внезапно оказавшийся потрепанным. Гобелены на стене, оказываются износились. Он обнаруживает, что заказал новые драпировки, и, таким образом, кабинет полностью обновлен новыми вещами. У него не было такого намерения, но новая одежда привела его к этому результату. Сутью работы де Вриса являлось то, что новые покупки сами по себе не обладают полезностью, приобретенной ими друг с другом, таким образом, товары, включенные в «миры товаров» приобретают маркировочные функции, поставляющие социальные различия. Как утверждали антропологи Даглас и Ишервуд, "все товары несут смысл, но не сами по себе".[49] Также, Даглас и Ишервуд были пионерами в исследовании вкуса.

3 Выявление и описание стратегий расходов российских элит в XVIII-XIX вв.

Первый персонаж, о котором у нас есть подробные сведения, это Михаил Илларионович Воронцов. Евгений Петрович Карнович считает, что Воронцовы являются ярким примером «поставленных на виду вельмож, которые не имея своего родового состояния, должны были жить с блестящей обстановкой и применяться ко двору Елизаветы, тратившей громадные суммы на великолепие и роскошь» [62].

Письма графа Михаила Илларионовича Воронцова ярко это описывают: «не имея ничего собственного, для жития с женой, принужден был покупать и строить дворы, заводить себя людьми и экипажем, и для бывших многих торжеств и праздников ливреи, платья богатые, иллюминации и трактаменты делать». Вследствие всего этого, он, по словам его, «нечувственно вошел в разные долги, а содержание дома стало превосходить ежедневные доходы. Должность моя, - прибавляет весьма справедливо Воронцов, - меня по-министерски, а не по-философски жить заставляет.» «Мы все, верные ваши рабы, - писал он государыне, - без милости и награждения вашего императорского величества прожить не можем. И я ни единого дома фамилии в государстве не знаю, который бы собственно без награждения монаршеских щедрот себя содержал» [62, с.259]. «Если бы не был взыскан столь знатным чином и поверенной должностью (о чем весь свет не знать не может), то всячески бы старался в посредственном своем состоянии себя без нужды содержать» [62, с.260]. Долги его около этого времени (в 1752 году) простирались до 58 000 рублей. Для поправления финансового положения он просит пожаловать ему имение в Лифляндии в 225 гаков, которое было огромным состоянием на тот момент, поскольку каждый гак оценивался не менее чем в 1000 рублей. Он в силу близости ко двору это имение получает, но он был вынужден почти сразу его продать, чтобы расплатиться с долгами.

Посмотрим насколько замечания Карновича и слова самого Михаила Илларионовича будут коррелироваться с данными его финансовых документов. Определим размер доходов Михаила Илларионовича в 1752 – 1754 годах. В это время он только начинает строить свою Воронцовскую дачу и еще не стал канцлером.

У нас есть три приходно-расходных книги М.И. Воронцова смысл некоторых записей о приходе денежных средства остался для меня неясным. Например, от 20 января 1752 года «за вино брата Ивана Ларионовича принято из камер-канторы достальных – 243 рубля», или от 21 января 1753 года «за прогонные деньги принято чрез Волкова из коллегии» - 77 рублей.

Таблица 1 - Доходы Михаила Илларионовича в 1752 – 1754 годам¹⁰. [63; Ф, 1261. Оп. 2. Д. 2]

Виды дохода	1752	1753	1754
Оброк	6486,8	3224	1936,73
не ясно	243	77	
Сено, продажа хлеба	2180,37		
Жалованье	7750,09	4130,11	5600,23
Долг	5963	25600	10388
Заклад	3000		
«На поупку» ¹¹	252,5	1500	527,37
Дача в долг		58	
Возврат долга		30	
Остаток от прошлого года		570	4520,71
Сдача поместий в аренду			13514,43
Продажа вещей			400
Итого	25876,16	35188,51	36887,47

Приблизительно в это же время Александр Романович жил в Париже, и за период, чуть больше года, потратил 19108 ливров, что составит около 4443 рублей¹².

¹⁰ Таблица составлена нами по [63; 64]

¹¹ Например «от Мартина Карловича на поупку в Марсели вина и провизии» (речь идет о Скавронском)

¹² Исходя из того, что у М.И. Воронцова стоит в приходной книге, что 215 ливров = 50 рублей

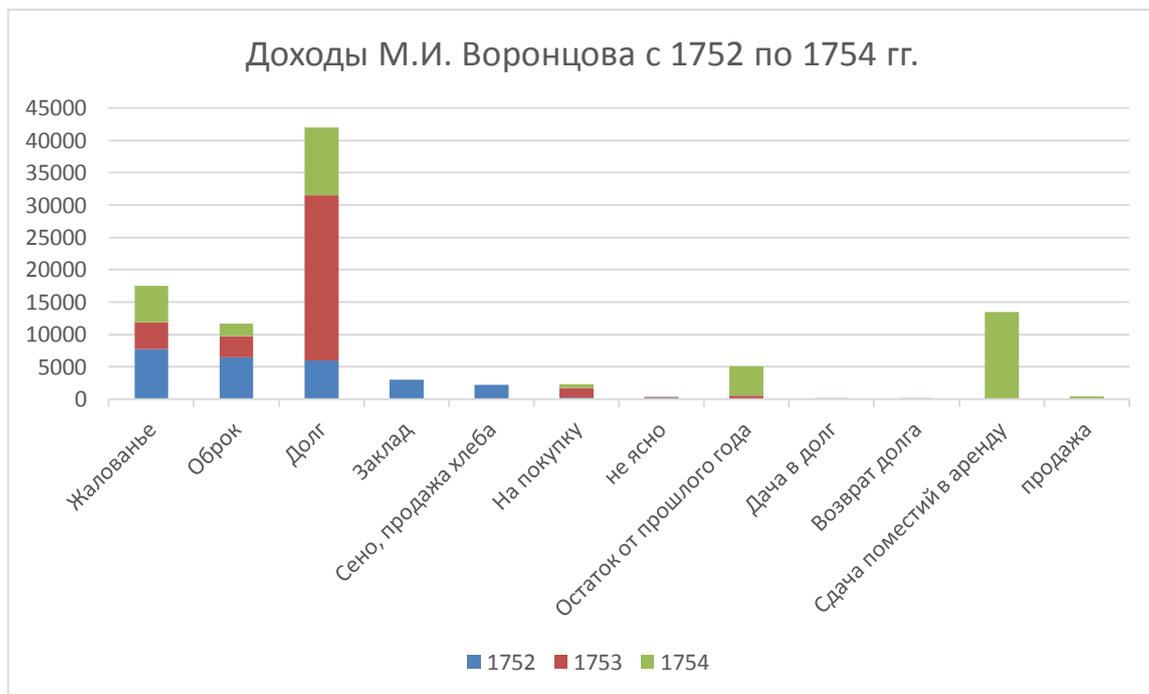

Рисунок 1

Большая часть доходов Михаила Илларионовича распадается на три почти равные части: жалованье, деньги с деревень и заемные средства (долг).

В течение трех лет сумма жалованья не менялась, но зафиксированный размер ежегодно получаемого жалованья разный, потому что были задержки в выплате, и сентябрьская треть жалованья могла быть получена на следующий год или в тот же год. Так что здесь это просто вопрос бухгалтерского учета.

Оброк (деревенский доход) был величиной непостоянной на самом деле. В 1754 году он значительно уменьшился, потому что часть деревень были сданы в аренду «по учиненному с бароном Вольфом расчете со взятых у него денег в разных годах, которым ему должен был а именно 19387, 57 в чем и вексель дан, а ныне лифлядские деревни ему на 8 лет отданы по 5 000 рублей на год и на сие время денег 40 тыс. вперед отдал имея в которую сумму вышеписанные 19837,57 зачтены и вексель назад возвращен в достальное ж число 40 тыс. принято здесь у брата его Карла Семеновича»¹³.

Отдельно обратим внимание, что чисто физически Михаил Илларионович получал оброк из имений, как правило, через приказчика Курова, который приезжал сам, хотя уже один или два раза получил оброчные деньги через купеческие векселя.

¹³ 1764 год приходно-расходная книга запись за 7 апреля

Если Карнович прав и к 1752 году долговая нагрузка Воронцова составила 58 тыс., то мы видим, что его ежегодный доход был почти в 2 раза меньше, причем с учетом получения новых долгов.

Таблица 2 - Заемные деньги Михаила Илларионовича Воронцова в 1752 году¹⁴

29	февраль	от господина Преннера ¹⁵ взято	200
16	май	от Преннера взято	200
12	июнь	из комиссариата занято с процентами	1000
10	август	взято от Ямщикова 1000 и к тому по его счету в вексель написано 1563	1563
14	август	из комиссариата занято 1000 и сто рублей приписано проценту	1000
4	декабрь	у Якима Яковлевича Барсукова занято	2000
2	октябрь	от господ Григория и Никиты Денисовых за отданныя в заклад алмазные вещи принято	3000

Деньги занимались в основном во второй половине года. Здесь обращает на себя внимание два момента в условиях отсутствия банков¹⁶, деньги занимались как у государства(кригскомисариат), так и у частных лиц, идентифицировать большинство из частных заемщиков мне не удалось, скорее всего, купцы.

Таблица 3 - Роспись заемным деньгам М.И. Вороноцова в 1753 году

22	январь	заняли у графа Кирилла Григорьевича ¹⁷	10 000
14	февраль	еще у графа Кирилы Григорьевича занято	10 000
21	июнь	у Преннера взято займы	200
1	июль	е Екима Яковлева занято	1000
20	июль	у Преннера взято займы	200
5	август	у Кузьмы Матвеева занято	300

¹⁴ Выписки из дела

¹⁵ Судя по всему Георг Каспар Преннер (1720 – 1766), который работал в России с 1750 по 1755 год, художник. Его покровителем был М.И. Воронцов. В этих условиях не понятно, почему покровитель занимал у своего «подчиненного» деньги, и кстати регулярно отдавал.

¹⁶ Банки появились после 1754 года.

¹⁷ Речь идет о Разумовском скорее всего

18	август	у гр М.К. Скавронского занято	3000
12	октябрь	у Кузьмы Матвеева занято	400
22	октябрь	у Н. А. Корфа занято	200
29	октябрь	у Карла Семеновича Вольфа занято чрез Курова	300

Как видим круг заемщиков уже совсем другой, пересекается, только Преннер. И деньги занимались в первой половине года.

Таблица 4 - Заемные деньги 1754 года

12	март	в канторе у Карла Семеновича взято займы через Курова	500
23	март	у него ж Волфа взято Куровым	500
26	ноябрь	занято из банка 10 000 и за вычетом процентных денег получено и с расходом принято	9388

Сократился размер заемных денег и сделан первый заем в банке.

Если не учитывать заемные деньги, то размер дохода Михаила Илларионовича Воронцова не превышал 20 000 рублей в год. Но нюанс в том, что и сам Михаил Илларионович Воронцов в комментариях к книге 1752 года не все деньги в приходе считал собственным доходом.

Так, итоговая сумма прихода денежных средства 1752 года составляет 25876,16 рублей – подсчёт самого Михаила Илларионовича Воронцова.

При этом, когда он пишет в декабре итог, где-то после 28 декабря 1752 года, поскольку последняя запись о приходе денег стоит именно 28 декабря, он отмечает только три вида дохода из кексгольмских деревень, да из арзамасских деревень (при этом сюда относятся не только собственно оброчные деньги, но и деньги, полученные от продажи хлеба, и сена), и жалованье, что составляет в сумме составляет 14607 рублей (на 10 тыс. меньше, чем общая сумма поступивших денежных средств).

Важно, что Михаил Илларионович поставил в итоговую категорию «жалованье» в декабре месяце – 5940 рублей. Но если мы сложим все виды жалованья, полученные им за 1752 год, то получим сумму в 7750,09 рублей. Почему возникла разница? Я могу предположить, что разница возникла потому, что он не

посчитал в приход 1752 года деньги, которые он должен был получить в 1751 году, но получил в 1752 году. Он их выделяет отдельно: «за сентябрьскую треть 1751 года жалованья из штабс-канторы принято» и «жалованья из лейб-компани за прошлую сентябрьскую треть», но в сумме эти две цифры 1639,99 и 340 будут чуть больше, чем разница между итоговой суммой, подсчитанной нами, и выведенной Михаилом Илларионовичем 5940 рублей. При этом в 1752 году он получил жалованье за три трети, т.е. полностью.

Существенно, что в книге 1752 г. остальные деньги, он не причисляет к итоговой сумме, т.е. он не относит к итоговому приходу деньги, взятые в долг, и деньги, полученные за заклад драгоценностей, т.е. 34,63 % (8963 рубля).

Таким образом, Михаил Илларионович разделял свой доход как минимум на две части. Что он почитал своим доходом? Исходя из документов, складывается ощущение, что только жалованье и оброк. Может именно это и является причиной его жалоб на недостаточность денежных ресурсов, он, возможно, считал своими деньгами только часть денежных ресурсов, находившихся в его распоряжении. А на что тратились разные виды дохода?

Таблица 5- Расходы Михаила Илларионовича

	1752	1753	1754
Уплата долга и платеж по отложенным счетам купцов	7883,71	10562,5	5591,26
«Золото-бриллианты»	0	3992,2	373,53
Расход	4646,99	3062	3771
Поваренной расход, кондитер, вино, кондитер	2790	2767,11	3107
Покупка деревни	2462	0	0
Дача в долг	0	1000	100
Строительство и обустройство дома	2091,03	2573	2311,75
Вексели и переводы	1638	2700	66
Церковь		330	130
Жалованье людям и слугам, в т ч. Одежда людям	865	626	402

Парикмахер, одежда, карета, лошади	819,75	1016,1	1386,27
Разное	490,5		373
Поездка	370	220	1412
Жене	185	120	340
Книги, в т.ч. Библия, переплетчику, картины	152,12	20	230,05
Подарок	142	500	265
Мелочный расход	100	172	10
Дворовый расход		300	500
Таможня	50		
Биржа	20		
Проигрыш в карты	15		
Подьячим и счетчикам, писарю	9	150	
Лекарство		300	114
не поняла		287	943,56
Иллюминация		70	100
Маскарад			118
Прием государыни в своем доме			150

Самым критичным для анализа структуры расходов становится перевод многочисленных и разнообразных статей расхода в единые аналитические категории, используемые в таблице.

Рисунок 2

Более трети расходов составляет уплата долгов и оплата по отложенным расчетам с купцами, когда совершена покупка не ясно.

Пример из книги 1752 года

Таблица 6

5	январь	Петру Спиридоновичу заплачено долгу	100	уплата долга
5	январь	Преннеру отдано	200	уплата долга
17	март	Преннеру отдано	200	уплата долга
14	август	княгине Куракиной за заплаты Петру Ивановичу Панину за брата Ивана Ларионовича чрез Андрея Константинова	300	уплата долга
		NB в штаб-кантору заплачено 300- чрез Андрея Константинова и взята квитанция	3000	скорее всего уплата долга
9	сентябрь	Ямщикову по взятому векселю в августе месяце	1563,71	уплата долга
10	октябрь	Ниренбергцу в уплату по его счету	100	платеж по счету

5	декабрь	Гравро ¹⁸ по его счету заплачено	20	платеж по счету
14	декабрь	по счетам разных купцов чрез Андр. Констан. выдано	2000	платеж по счету
15	декабрь	камердинеру по его счету в уплату дано через А.К.	200	платеж по счету
15	декабрь	купцу [Пакие] в уплату по его счету через А.К.	200	платеж по счету

Платеж по счету мы почитаем за долг, поскольку например, в другом документе, составленном А.Р. Воронцовым в 1781 году, который называется «роспись долгам нашим», указано в числе долгов – платежи по отложенным счетам, например «портному французу по одному щету 700 по другому 833, итого 1583», и прочие счета купцам.[63, Оп. 2. Д. 46. Л. 34.]

Такую категорию как расход, составляющую около 20 % от всей суммы расходов, сложно определить. Скорее всего, это следует делать методом от противного, т.е. то, что по идее должно включаться в систему трат, но не указано по другим категориям. И важно обратить внимание, что при описании денег, выданных на расход, как правило, Андрею Константиновичу могло прямо указываться, что они шли либо из жалованья либо из оброчных денег.

Вот пример за январь 1752:

Таблица 7

22	январь	Андрею Константиновичу приняты за сено деньги из провиантской канторы	491
25	январь	привезенные из кексгольмских деревень деньги отданные для расхода Андрею Константиновичу	263
6	февраля	Андрею Константиновичу на расходы из сентябрьской трети жалованья выдано	1139,99

Третью по значимости категорию расходов составляет поваренной расход. Как правило, деньги довались Гансену, или Яшке. Скорее всего, речь идет о Якове Гансене – придворном поваре.

¹⁸ Возможно, ювелир французской нации, купец. По крайней мере по данным на 1734 год, жил в Петербурге.

Строительство и обустройство дома было постоянной статьей расхода и составляло около 20 % от общей структуры расходов. Вексели и переводы – 7 %

Таблица 8

22	январь	г-ну Вольфу для переводу на вексель в Марсель к г-ну Караваку	425
8	август	камердинеру для взятъя векселя в Марсель к г-ну Караваку на 215 ливров	50
27	январь	переведены деньги за вино брата И.Л. Через вексель	500
7	апрель	с Гамбурга переведено 500 любских марков по курсу 163,22 через господина Вольфа	163

Обратим внимание, что в 1754 году около 400 рублей составил «придворный расход» - прием императрицы, иллюминация, маскарад. Но по контексту документа многочисленные поездки, которые приходится на тот же 1754 год, вполне возможно связаны с придворной жизнью, учитывая направления поездок: Царское село, Петергоф, и т.д.

Можем ли мы сейчас ответить на вопрос: куда шли заемные деньги Михаила Илларионовича? Если учесть, что в расходной книге прописано, что жалованье и оброчные деньги идут на «расход», то очевидно заемные деньги идут на все остальное, т.е. на уплату долгов, строительство, покупки и т.д. Какие категории расхода можно отнести к демонстративному потреблению? Четко разделить, пожалуй, мы не сможем. Но отметим, что оброк и жалование шли на такое потребление, которое подразумевало «традиционный расход», именно такую категорию мы потом увидим и у Александра Романовича.

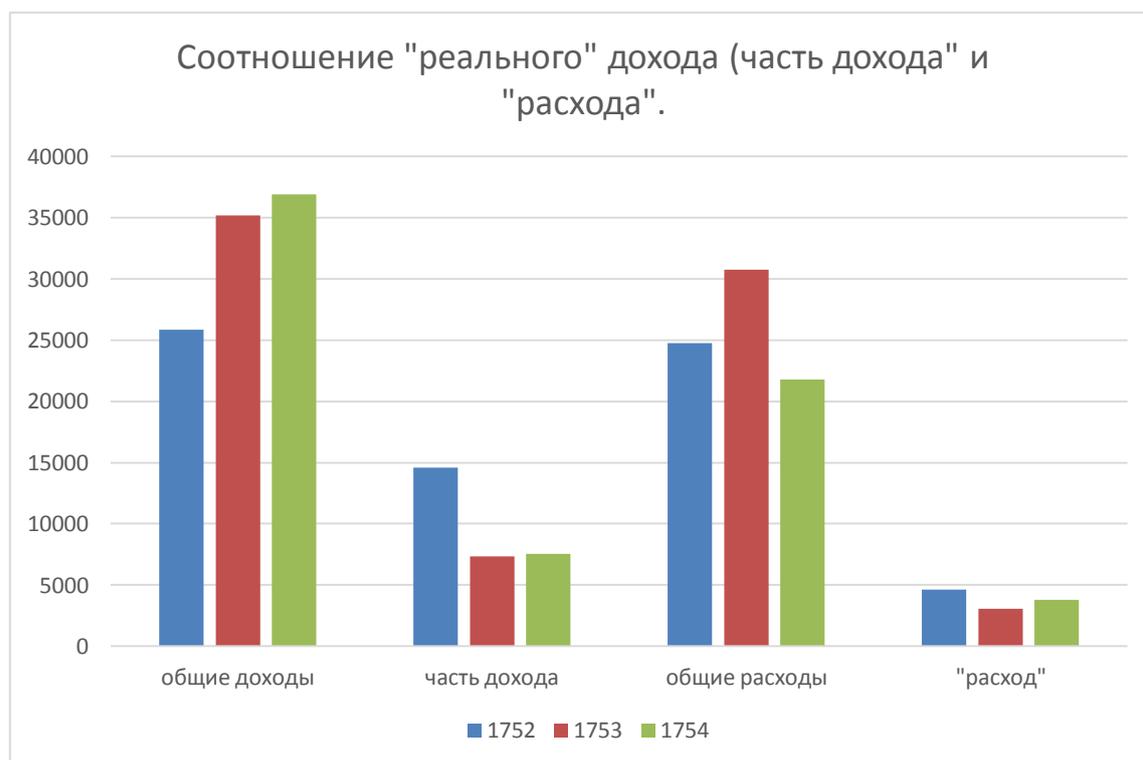

Рисунок 3

Отметим также, что годовые бюджеты во всех трех книгах были профицитными. Учитывая, что доходы формировались из заемных средств в том числе, есть ощущение, что расходы определяли бюджет, а не поступавшие доходы.

Говоря о братьях Воронцовых, Карнович отмечает, что брат Михаила – Роман Илларионович не должен был тратиться на представительство как его брат, к тому он был «денежно» женат, и нечист на руку, что позволило ему получить огромное состояние. Но если мы посмотрим на долговые разбирательства во время и незадолго до смерти Романа Илларионовича, то мы увидим, что у Романа Илларионовича также была серьезная долговая нагрузка.

На 1 марта 1763 года на Романа Илларионовиче Воронцове было казенного долга - 164500, 28 рублей. При этом его имение, состоявшее в залоге, «в деревнях, в домах, в фабриках и в железе» оценивалось в 243 000 рубля. Ежегодный платеж в течение 8 лет должен был составлять 20562,53 [63, ОП. 2. Д. 46 л. 16].

В августе 1781 года была составлена роспись долгам [63, Оп. 1. Д. 46. Л. 34 – 35]: в дворянской банк в коем дом наш заложен - 8 000, к Екатерине Романовне - 6 000, в казанской банк – 6 000, Барышникову – 2 600, Льву Романову – 1 000, портному французу по одному щеты 700 по другому 833 итого – 1583, г. Питерсону

– 3 000, Ферберу – 1 100, купцу Озерову – 480, купцу Ботлину – 600, Ригелю – 500, Чупятову – 500, Гусятникову – 1500, по разным мелочам наберется до 2 000.

Из оных долгов процентов здесь платится в дворянский банк – 400, корреспонденту г Петерсона – 180, Ферберу – 100. Всего 680

«Сверх оного дом поряжен здесь выстроить за 5 300 рублей в задаток подрядчику дано 2 000 и так недоданные – 3 300 должны считаться к умножению долга, которой будет состоять в 38 713 рублей»

Для заплаты онаго остается 22 000 рублей кои в 1782 году нам следует получить из казны за медные заводы, если из оных денег не нада будет что-нибудь дать в воспитательный дом вместо процентов кои И.И. Бецкой требует по вексялям Демидова.

Но здесь не указан казенный долг, который был заплачен из денег за проданные казенные заводы (в 1781 – 1782 году за 100 тыс.), как собственно планировалось заплатить и частные долги.

Откуда возникли долги Романа Илларионовича? Его сын считал, что он потратил на образование, о чем он и писал в верующем письме от 2/13 января 1764 года из Лондона.

«Милостивый государь батюшка граф Роман Ларионович

Мне небезызвестно что вы во все время бытности моей в чужих краях принуждены вы были занимать как из казны так и партикулярно на мое содержание немалую сумму денег и чрез то вошли в немалые долги в платеже которых и я желая принять участие чрез сие покорнейше прошу вас где надобно отдать подзаклад или хотя и продать что потребно по частям или все без остатку доставшееся на часть мою после покойной матери моей Марфы Ивановны в разных уездах недвижимое имение со всеми ко онами принадлежаностьми в чем я спорить не буду пребывая всегда ...» [БЗ, Оп. 1. Д. 46. Л.3 об]

Можно ли в данном случае говорить, что заграничная поездка субсидировалась в первую очередь из заемных денег, которые выплачивались потом еще спустя двадцать лет? Окончательные расчеты по долгам Романа Илларионовича были уже в самом конце 18 века.

Как изменяется ситуация с доходами-расходами у племянника Александра Романовича Воронцова, которые получил европейское образование, много путешествовал и жил за границей, данные у нас имеются за семь лет в период с 1776 по 1804 год.

Таблица 9 - Точная роспись дохода А.Р. Воронцова в рублях и процентах

	1776	%	1779	%	1781	%	1782	%	1790	%	1793	%	1804	%
займ у государства	9000	42,79			7600	15,40	2000	8,07	13000	15,75				
деревенский доход	4200	19,97	7647	64,65	5755,2	11,67	11972	48,32	32695	39,62	18550	33,41	45800	67,62
Жалованье и орден	2932,5	13,94	2421	20,47	989	2,00	2964,8	11,97	5620	6,85	200	0,36	9800	14,47
займ	800	3,80			1000	2,03							2000	2,95
остаток от прошлого года	2200	10,46	170	1,44	68	0,14	1489	6,01			856	1,54	4770	7,04
от брата и отца	1800	8,56	1200	10,15	8925	18,09	800	3,23						
продажа					21000	42,56	1530	6,18	5265	6,38	11500	20,71		
не знаю					4000	8,11					1860	3,35	366	0,54
возврат долга	100	0,48	390	3,30			400	1,61	1360	1,65			5000	7,38
сдача дома в наем							2420	9,77	2000	2,42				
аренда фабрики							1200	4,84	500	0,61				
деньги из банка - капитальная сумма									20000	24,24	20000	36,03		
проценты из банка									2085	2,53	1350	2,43		
отпущенный крестьянин											1200	2,16		
Итого	21032,5		11828		49337,2		24775,8		82525		55516		67736	100,00
Индекс итого	1				2,3				3,9					
индекс хлеб. цен в серебре	320		320		480		480		566		566			
Индекс хлебных цен	1		1		1,5		1,5		1,8		1,8			

Первое что бросается в глаза это изменение самой структуры доходов. Появляются такие новые виды доходов, как сдача дома в наем, аренда фабрики, проценты из банка и возврат капитальной суммы из банка, деньги от крестьянина, отпущенного на волю, причем эти суммы составляли до сорока процентов ежегодного дохода. С другой стороны, такие категории, как сдача дома в наем или аренда фабрики, отпуск крестьян на волю мог быть и раньше, но включался в деревенский доход. Александр Романович Воронцов начинает их отделять, возможно, просто потому, что этот доход поступает в разное время.

Проследим эволюцию трех основных источников дохода: жалованья, займов и деревенского дохода.

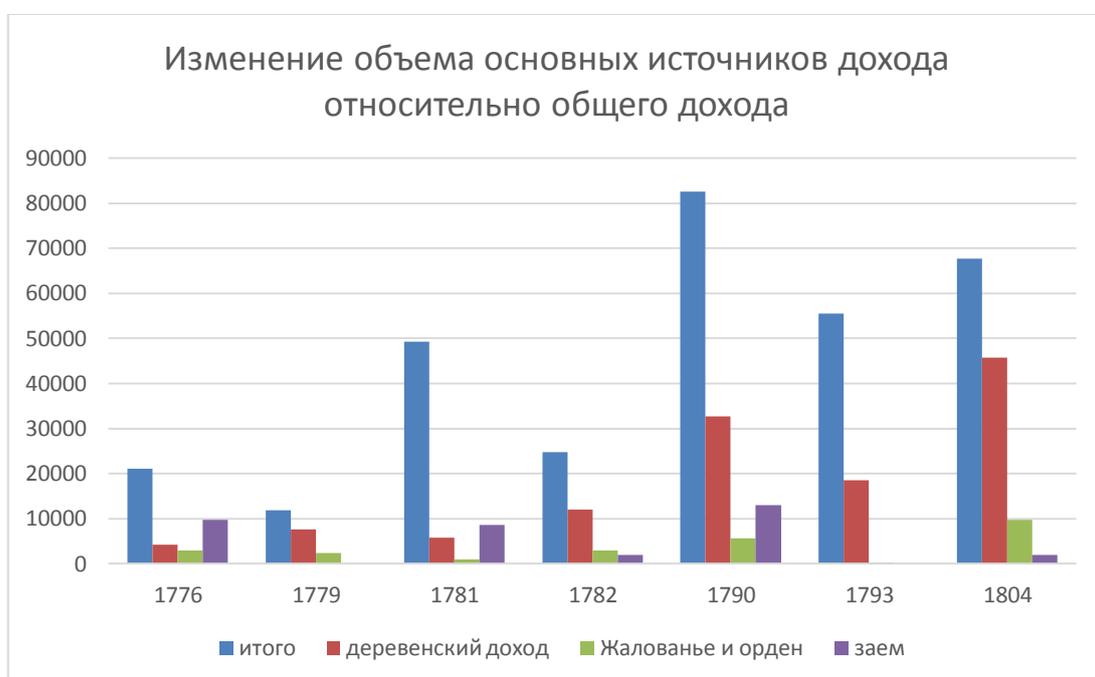

Рисунок 4

Доход, шедший напрямую от сельскохозяйственного производства, сильно варьировался на протяжении двадцати последних лет 18 столетия, при том, что численность крестьян изменялась не значительно. К концу восемнадцатого века все оброчные деньги поступали через векселя, а не привозились приказчиком. Их мог получать дворянин на прямую в домовый кантор, но в домовую кантору они поступали через купеческие векселя.

А вообще, когда мы говорим о деревенском доходе, очень важно понимать, что оброчная сумма уплачивалась ежегодно не полностью. Анализ документации

домовой канторы братьев Воронцовых за 1793 год это очень ярко демонстрирует.[63, л.6 об - 7]

Таблица 10

Следовало получить	
оброчных	42804,35
кортомных	17325,8
за прошлые годы недоимок	1000,5
штрафных	219,47
всего	61350,12
поступило	
в домовую кантору поступило	49291,14
в андреевскую вашему сиятельству от Столярова поднесено в Петербург	1090
столярам за работу зачтено	964,9
итого	51346,04
разных недоимок	9959,88

Таким образом за 1793 год в недоимках осталось 16 % от всего дохода.

За 1786 – 87 года повторится та же ситуация, следовало получить 34 116,4 руб., а получено 25173,13 руб., следовательно, в недоимке оказалось 34 %.[63, Оп. 2. д. 953] В 1773 году – 11 % (2083 рубля) [63, Оп. 2. Д. 218.] осталось в недоимке.

Но важнее другое, что если мы посмотрим, какая сумма проставлена Александром Романовичем в деревенский доход по приходе-расходной книге за 1793 год, мы увидим только 18 550 рублей. И это вообще не очень понятно. Могу предположить, что это было связано с тем, что деньги поступали Семену и Александру Романовичам совместно, несмотря на то, что они были разделены, о чем частично может свидетельствовать следующая выписка, которую сложно точно датировать [63, Оп. 2. д. 953]:

Таблица 11

краткая перечневая выписка доходов	число душ	оброчных	канторный расход	штатных	кортомных	всего
	13583 ¹⁹	33953,72	754	1410,1	5279,55	41397,37
на мою часть (АР)	2683	9741,5	130,4	162,5	847,75	10882,15
на долю брата Семена	2846	10774,47	142,85	1028,9	443	12389,22
Общих	970	13437,75	480,75	218,7	3988,8	18126

Дворяне не полностью получали свой доход в этот год. И, следовательно, встает вопрос, как они считали свой деревенский доход: по реальным цифрам за последний год, по расчетным цифрам за лучший год, по тому, что они могли заложить души в банк и получить деньги (как например Чичиков), или по тому капиталу, который у них был (как Браницкая), или по числу душ без указания денег (как пишется во всей художественной литературе)?

Как Александр Романович представлял свой доход?

У Александра Романовича повторяется та же ситуация, что у Михаила Илларионовича, когда деньги, поступающие из разных источников, учитываются по-разному и не складываются в единый доход.

Во-первых, в 1774 году Александр Романович отдельно подсчитывает доход дому, который у него равнялся 16 600 рублям, и складывался из оброчных денег, со сдачи дома и фабрик в аренду, жалованья и с процентов с капитала, находящегося в банке. На что, он планировал потратить эти деньги не понятно.

Отдельно он подсчитывает доход, который должен поступить от Сабакина в размере 250 000 (по всей вероятности, была какая-то крупная продажа Сабакину), и

¹⁹ Так в документе. И почему число не совпадает не знаю, может быть за вычетом тех, что заложены в Опекунский совет?

расписано на что пойдут эти деньги: на закрытие долгов, покупки деревень, для того, чтобы положить в банк.

На 1782 год картина выглядит несколько сложнее. Для 1782 года Александр Романович вел две приходо-расходные книги: книга приходная и расходная собственных моих денег, жалованья и муранского дохода 1782 и книга дохода дому [63, Оп. 2. Д. 199.]. В таблице доходов Александра Романовича они сложены, поскольку это следует из смысла документа, но сейчас в таблице приведем цифры для двух книг отдельно.

Таблица 12 - Доходы Александра Романовича в 1782 году

	1782 собственные деньги	1782 доход дома
займ у государства		2000
деревенский доход	1000	10972
жалованье	2965	
остаток от прошлого года	804	685
продажа	1530	
возврат долга	400	
подарок от отца	800	
сдача дома в наем		2420
аренда фабрики		1200
Итого	7499	17277

Мы видим, что статьи дохода почти не пересекаются, за исключением остатка и деревенского дохода. Причем собственные деньги из деревенского дохода – это только муринский. Под продажей в данном случае имеется в виду табакерка и другие вещи, очевидно, личные (сделанные ранее или подарки не знаю) и привезенные из Англии и проданные ананасы. Заем у государства отнесен на доход дома, но возврат частных долгов расценен как свой доход, а не дома.

У Александра Романовича, только 10 % оброчных денег относятся к собственным деньгам, остальные идут в домовый доход.

Таким образом, на примере Александра Романовича мы видим, что постепенно идет усложнение самой категории дохода: на собственные деньги и доход дома. И в доход дома начинают включаться государственные займы.

Таблица 13- Расходы Александра Романовича Воронцова

	1776	1779	1781	1782	1790	1804
брату/сестре/племяннику	9030	90		833	1000	3 000
в кошелек	490	185	50	170	2570	1100
возврат долга	2218	1680	29015,21	7406	1881	26566
дано в долг	100	30	300		200	
жалованье и людям	553	661	100	1049	1603	270
обустройство дома	912	42	2986	1098,6	24	
Одежда	919	89	1424,3	960	976	1125
перевод	106	1563	2265		1322	20 000
конюшня	84		2000	350	70	
подарок и благотворительность	74	50	127	150	1078	1550
поездка	170	30	110	480	200	155
похороны		400				
Расход	4720	4950	7648	8386,5	13530	5610
память о матери	25					
таможня		237		75	300	200
Книги	257	651	360	2153	1117	225
золото-бриллианты	375		16	422	972	685
не ясно	800		1016	661,75	1760	1100
разное	44		150	662,5		300
табак и вино				286		
лекарство					250	550
покупка деревни					43 500	
радищев					2200	
мелкий расход					400	700
муринский расход					8027	
не читабельно					3325	865
	20877	10658	47567,51	25143,35	86305	64 001

1773 являлся президентом Коммерц-коллегии, с 1779 — сенатором, с 1794 находился в отставке.

Несмотря на изменения в карьере, расходы Александра Романовича были относительно стабильными, например, он редко давал в долг, и если давал то небольшие суммы, не значительной была сумма, которая передавалась им для поездок его людей, сумма, не существенной была сумма, которая тратилась им на покупку и ремонт золотых вещей, как правило, табакерок, траты на одежду были стабильно маленькими.

Наиболее подверженными изменению были суммы переводов, денег в счет возврата долгов, книг, а также всевозможных подарков. В 1790-м году значительная сумма была потрачена на мушинский расход, что связано со строительством и обновлением фабрики, по всей видимости.

Также как и у его дяди, сумма шедшая на расход, была как правило из оброка или жалованья. Т.е. «расход», опять получается особой категорией, которая была понятна дворянину, и закрывалась наличными деньгами.

В целом расход, можно рассматривать как традиционную постоянную расчетную категорию расходов, потому что обычно на нее шли круглые суммы (1000 рублей, 800 рублей), которые выдавались в конце или в начале месяца.

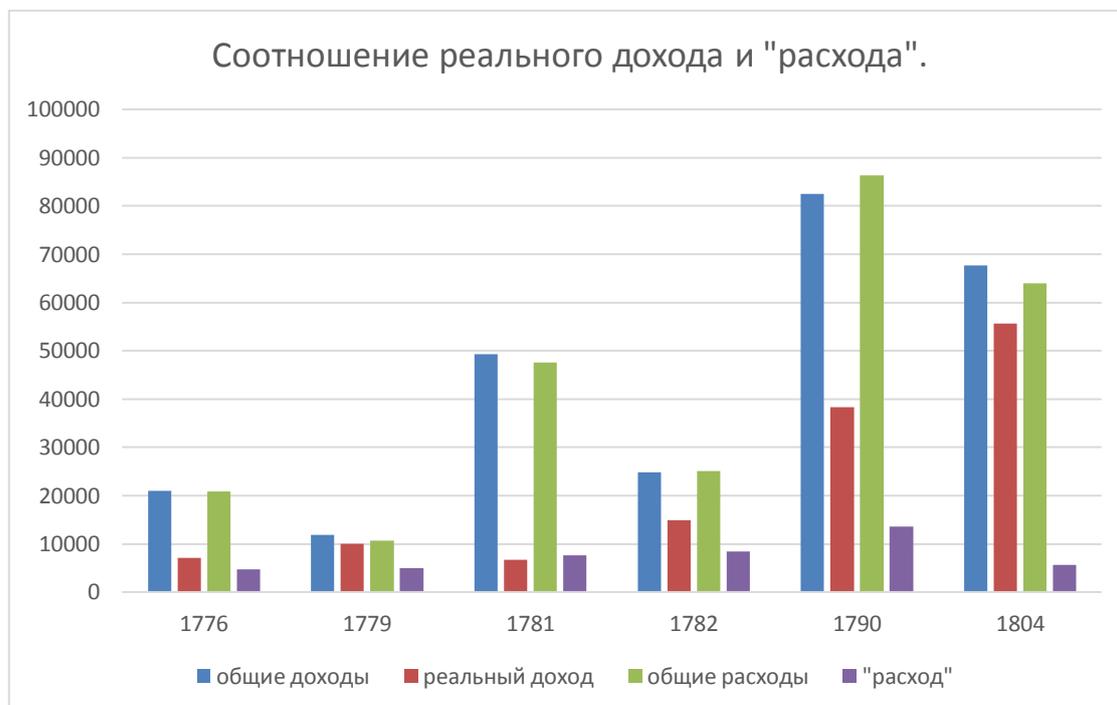

Рисунок 5

Если у Михаила Илларионовича категория «расход» в целом сопоставима с объемом «реального дохода», то у Александра Романовича «реальный доход» начинает возрастать, и мог закрывать не только «расход», но и другие категории расхода.

Наверно эту категорию расход может прояснить книги 1782 года, когда было составлено 2 книги: прихода-расхода собственным деньгам и дому, когда «сверх приходу издержано моих собственных денег на общий расход дома 229 рубля»

Рисунок 6

На рисунке 6 видно, что расходы по собственным и домовым деньгам различались, наблюдается явное преобладание домового расхода в категориях «возврат долга», «расход», «деньги брату». Собственные деньги тратились на «конюшню», «одежду», «поездки», «книги», «золото-бриллианты».

Говоря о ключе к пониманию доходов и расходов, важно еще помнить, что у дворян учитывались деньги и по домовым канторам. У Воронцовых их было две: Санкт-Петербургская и Московская домовая кантора.

Попробуем понять, какой объем денег и как расходовался домовым канторам.

У нас есть данные по СПб домовый канторе на 1794 год, когда Александр Романович ушел в отставку.

Таблица 14

3950	найм дома	дом
3514,27	остаток	
3192,7	оброк	деревенский доход
1805	оранжерея	деревенский доход
1777,6	лес	деревенский доход
1429,99	питейный дом	Сдача в аренду
1160	фабрика	Сдача в аренду
800	орден	личное
750	сенокос	деревенский доход
600	пенсия	личное
575	погреб	Сдача в аренду
510	огород	деревенский доход
400	лабаз	Сдача в аренду
330	отходник	деревенский доход
300	лавка	Сдача в аренду
285,22	сено	деревенский доход
219,3	деревья	деревенский доход
170	курень	Сдача в аренду
155	харчевня	Сдача в аренду
127	найм квартиры	квартира
100	ломберные столики	не ясно
75	овощи	деревенский доход
50	кузница	Сдача в аренду
50	штраф	деревенский доход
30	сад	деревенский доход
22356,09		

Мы видим, что доход по домово́й канторе достаточно разнообразен, он формируется, с одной стороны, собственно от домового дохода, в первую очередь му́ринского, а с другой стороны, от сдачи в аренду дома, квартир, фабрики, мельниц, харчевен и т.д. Личные деньги, например за орден, также могли поступать в домовую кантору. Эти цифры станут понятны тогда, когда мы посмотрим на

структуру расходов за этот же год по домовый канторе. Сколько из этих денег потрачено непосредственно на Александра Романовича Воронцова?

Таблица 15

1005	вещи для АР	АР
1698,05	вино	АР
80	вода	АР
251,4	книги	АР
138	кофе	АР
80,75	почта	АР
50	сельдь	АР
100	театр	АР
154,5	газеты	АР
37	фрукты	АР
3594,7		итого АР
8	иллюминация	дом
33,5	обслуживание дома	дом
2	Объявление о сдаче дома	дом
5,45	письменные дела	дом
823,73	поддержание дома	дом
872,68		итого дом
919,5	жалованье людям	Люди
7,59	лекарство для Нагиева	Люди
354,1	обучение	Люди
18,95	одежда людям	Люди
50	пенсия бывшим служителям	Люди
85	подарок	Люди
426,6	помощь	Люди
1,7	почесть	Люди
25	регистратору	Люди
13,84	свечи для дворовых	Люди
12	семена	Люди
1196,4	харчевые	Люди
3110,68		итого люди
10700	Перевод в МДК	перевод
363,36	провоз	провоз
470,7	не ясно	не ясно

779,02	сахар	не ясно
1249,72		итого не ясно
28718,92		

Важно также и то, что часть личных расходов Александра Николаевича поступала «купленной натурой» через домовую кантору, поэтому не учитывалась в приходно-расходной книге, потому что появлялась не в денежном выражении. К этому в первую очередь отнесем вещи, купленные для Александра Романовича, эта категория в расходной книге стояла одной суммой без расшифровки, вино, кофе и книги.

И обратим внимание, что в конце 18 века, когда значительная часть денежных операций проводилась через векселя, всяческий расход на перевоз вещей составлял больше 1 % от общей суммы расхода.

Таким образом, мы видим несколько закономерностей. Несмотря на то, что каждая дворянская семья имела собственные представления о роскоши, свои доходы и систему расходов в целом, но все семьи старались выработать систему учета для начала. Поскольку понимание движения денежных средств было одним из способов избежать долговых обязательств. Чем было вызвано такое единодушие в столь специфических частных финансовых практиках. Сложно представить, что дворяне обсуждали эти вопросы за пределами семейного круга. В конце концов, наше нынешнее общество также не готово обсуждать финансовые вопросы открыто. Мы видим, с одной стороны, попытки Екатерины через Вольное экономическое общество косвенно и через законодательство напрямую влиять на нормативные практики потребления. Но мы должны ясно отдавать себе отчет в том, что невозможно законодательно регулировать такую сложную систему как потребление.

4 Реконструкция рациональности/нерациональности экономического поведения российской элиты.

В последнее время стало появляться много работ, посвященных роскоши, правда, по большей части результаты исследования клишированы. Например, источниковая база, обозначенная, в работе Агеевой, не позволяет сделать выводы о том, что роскошь российского разлива нерациональна по своей природе, авральна и бессистемна. 20 [66] А выводы относительно российского дворянства просто беспочвенны. Поскольку для начала нет понимания того, о каком дворянстве идет речь – столичном или провинциальном. Во-вторых, не ясно, почему цитата Федора Михайловича Достоевского приведена как единственное доказательство выводов автора. Скорее можно говорить, что Агеева считает западный тип потребления – *conspicuous consumption* – как некий идеальный образ потребления, и в отличие от российского дворянства, которое не могло с помощью потребления предметов роскоши даже свой имидж улучшить, западное это делать могло.

Вообще попытки дать определение понятию роскошь выглядят слегка самонадеянным. Так одна из последних попыток звучит следующим образом. «Роскошь – это желанные для всего общества развитых регионов в целом при нормальных условиях товары и ресурсы, превышающие то, что необходимо и обычно приняты в данный исторический период мировой элитой».21[67] Это определение никак нам не поможет при исследовании этого явления в период 18 -19 веков.

Интересная интерпретация понятий «роскошь» и «люксус» приведена в словаре Фасмера. 22[68] Традиция, закрепившаяся в русском языке, связана с использованием слова «роскошь», которое скорее отражает гедонистические удовольствия и чувства, а вот понятие *luxus* – в большей степени связано с экономическим содержанием.

В словаре 12 – 17 веков мы встречаем слово «роскошь», которое произошло от польского слова *rozkosz*, значение связано с наслаждением и удовольствием.

²⁰ Агеева Е.А. Парадигмы роскоши в российском обществе: теоретический аспект и исторический экскурс // Человеческий капитал. 2016. 8 (92). С. 34-42.

²¹ Зинчак Е.В. Роскошь как объект исследования: разработка определения // [Экономический анализ](#), 2013. 12.

²² Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 3. – СПб, 1996. С. 504.

Наверно одно из первых употреблений этого слова в русском языке встречается в сочинении Андрея Курбского «история о Великом князе Московском..», где он говорит об опасности роскоши привычка к которой губит христиан.²³

Российские законы про роскошь можно попробовать сравнить со средневековыми законами о роскоши, как нам видится должна быть связь между этими двумя явлениями. По мнению Надежды Селунской, стоит, во-первых, разделять законы, направленные непосредственно на борьбу с потреблением предметов роскоши и законами, направленными на закрепление статусных характеристик. А во-вторых, законы скорее отражали потребность в поиске консенсуса в рамках конкретной средневековой общины, но это не означает реальную борьбу с богатством, а скорее говорит о потребности в справедливом, с точки зрения, общины, распределении получаемых доходов. [69]

Законы, ограничивающие роскошь, в современном смысле этого слова появились в России в правление Петра I.

При Федоре Алексеевиче было два указа, которые можно назвать нормативными, поскольку они определяли, первый – в какой одежде по каким дням разные чины должны являться при Государевых выходах (указ от 19 декабря 1680б № 850) и второй – о том, что экипажи должны использоваться по чинам (указ от 28 декабря 1681 года, № 902).

Их появление было вызвано экономическими проблемами и Северной войной. О чем прямо указывалось в законе от 17 декабря 1717 года (№3127): «объявить для настоящей войны». По закону 1717 года было запрещено «носить пряденое и волоченое золото, покупать оное и играть в деньги». Словарь В. Даля подсказывает, что речь идет об одежде («пряденое золото» - это шелк, обвитый серебряной, золоченой нитью) и небольших украшениях («волоченое золото» - серебро и мелкая проволочная серебряная работа, филигрань). Наказанием за неисполнение указа был назначен штраф, но без указания размера («под великим

²³ «... Вот что от роскоши и разных скверных верований происходит с защитниками христиан...», «Но из этих роскошей, распространившихся у них, видел я и самое скверное: это то, что многие из них — и не только некоторые аристократы, но и князья — так трусливы и изнежены женами, что как услышат о нападении варваров, так и забьются в неприступные крепости...»// Курбский А. М. История о Великом князе Московском: то, что слышали мы от достоверных людей, и то, что видели собственными глазами. Сокращенно излагая, написал я это, как сумел, из-за неотступной настойчивости многих. Он-лайн доступ: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=9862>

штрафом»). В этом же законе говорилось о запрете игры в деньги, со штрафом в размере тройного банка.

Данный закон касался обеих сторон процесса потребления предметов роскоши: производителей, а точнее торговцев, и потребителей – людей, очевидно, принадлежащих к высшим слоям общества, в первую очередь дворян.

В январе 1718 года (№ 3144) вышел уточняющий указ. Во-первых, в нем объяснена мотивация принятия первого закона – «дабы напрасного убытка люди не имели, а особливо в нынешнее время войны». Подчеркнем, что по-прежнему понятия роскоши нет, но есть словосочетание «напрасный убыток», что фактически может означать расточительность. По новому закону позволялось делать на продажу позумент (позумент – это золотая или серебряная оторочка) и ленты с золотом и серебром, но только в Санкт Петербурге и не более 50 пудов в год. Показательна мотивация разрешения производства и как следствия ношения вышитых золотом и серебром одежд: «но понеже многие в сей завод вошли, и убытков иметь будут...» Из текста закона не ясно, кто именно вошел в завод те, кто производят подобную одежду или те, кто ее носят.

Указ от 16 февраля 1718 года, повторяет смысл указа от 1717 года, и продлевает срок продажи покупки золотых, штофных и шелковых материй до 1720 года (№ 3167).

Целью этих указов было не только запретить продажу заграничных тканей, но и налаживание собственного производства, что подробно объясняется в указе от 3 сентября 1720 года. Интересенты мануфактурной компании доносили Петру 22 апреля 1719 года (№ 3639), что их мануфактура не может шелковой парчи производить столько, можно было удовлетворить потребность в ней на территории всей империи. Они просили позволения по прежнему обыкновению вывозить из других Европейских государств столько парчи, сколько в Российском государстве может быть в расходе. Ответом на обращение стало разрешение голландским купцам Тамесу и Боршту ввозить в Петербург шелковый штоф всего лишь два года и на сумму, не превышающую 100 000 рублей. В указе была выражена надежда, что если через два года собственное производство умножится, то тогда запретить ввоз уже окончательно.

Еще один запретительный указ, увидел свет 20 апреля 1721 года (№ 3774), по которому вслед за запретом на ввоз тканей, было запрещено ввозить сахар, опять же с целью стимулировать внутреннее производство.

В определенной степени в отношении роскоши наиболее полно своем отношении Петр выразил в указе 24 января 1722 года (№ 3890) «Табели о рангах». Знатность и достоинство чина тем умалется, «что убор и прочий поступок тем не сходствует», и многие разоряются, когда они в наряде выше своего чина и имения. Поэтому Петр I взял на себя труд напомнить, чтоб «каждый такой наряд, экипаж и ливрея» соответствовали бы чину. Собственно три вещи: одежда, экипаж и ливрея (я бы интерпретировала это как слуги и их одежда) стали признаками, на которые ориентировались когда говорили о роскоши. Они должны соответствовать чину.

В целом петровское законодательство о роскоши скорее является частью меркантилистской политики Петра I. Нежели специально направлено против роскоши. Ведь если в соответствии с табелем о рангах чин был высокий, то и роскошь допустима. Скорее законы направлены на регулирование потребления роскоши.

Наверно, одним из самых важных законов в этом направлении является указ от 17 декабря 1740 года (№ 8301). Позволим себе привести большую цитату об этом: «якоже благополучное государствование всякого зависит не от чего иного, как от удовольствия и соблюдения от всяких излишностей свои подданных, следовательно признается Нам, что и от того не малая б подданным Нашим всем общая прибыль и польза происходить могла, ежели ношение богатых с золотом и серебром платьев отставлено будет, якоже неумеренная в таком употреблении излишность не инако, как разорительна быть может, а особливо чрез то не малое число денег из нашего Государства выходить, что иным способом, кроме генерального запрещения прекращено быть не может, как уже сие и предки Наши в действие произвести намерение имели.» Итак у нас по-прежнему не встречается слово роскошь, но только слово излишество и излишность, как в петровском дискурсе. Генеральное запрещение касалось всех, кроме чинов первых трех классов, придворных и чужестранцев, не состоящих на службе. По логике законодателя только указанные чины могли себе позволить одеваться с излишней щедростью, чтобы перед очами императрицы представать в должном виде.

Указ от 11 декабря 1742 года (№8680) сопровождался пространной фразой. «Какой немалый убыток Государству и вывоз из Государства немалой же суммы денег происходит от делания чрез меру богатого платья и содержания богатого же экипажа, о том всякой разсудить может». Важно, что излишеством рассматривается законодателем как очевидная проблема для государства, при Петре подобных комментариев, мы не видим. Очевидно, что Полное собрание законов Российской империи как источник имеет свои недостатки, далеко не все указы вошли в это издание, но тем менее мы можем предположить, что на государственном уровне законодатель продекларировал очевидность излишества. В целом, этот указ крайне интересен с точки зрения риторики. Обратим внимание на еще одно пространное рассуждение законодателя:

« ... но и те, которые никаких рангов не имеют, не рассуждая о крайнем своем разорении, но только б нарядными себя показать, как сами, так жены их и дети, не до достоинству своему, носят пребогатые с позументом и из серебрянных и золотых материй платье, и делают зело же богатые на людей ливреи и экипажи, и от того во истощение своего имения так приходят, что и деревень, закладывая и продавая, лишаются».

Здесь по-прежнему не используется слово роскошь, этот закон четко транслирует, что жизнь не по средствам приводит к полному разорению. В этом отношении важно и то, что само предостережение означает, что это явление становится достаточно массовым, чтобы в указе об этом написать, но слово «роскошь» еще не используется, для самого явления жизни не посредством скорее подходит слово излишество во вполне петровском духе.

Впервые в нашем законодательстве вводился конкретный размер штрафа – в размере годового жалования, те же, кто не имеет рангов, должны были заплатить штраф в размере стоимости своего платья. Плюс был придуман механизм, как отличать уже купленное платье от нового, - платье должно было запечатываться сургучной печатью там, где не видно. В законе четко прописывалось, какой чин, какие платья может носить.

Под особый запрет попали заморские нитяные кружева, стоимость которых высока, но они недолговечны в носке, и поэтому идет потеря денег, запрещено носить кружева всем, кроме чинов первых пяти классов.

Впервые слово «роскошь» появляется в манифесте Екатерины II от 3 апреля 1775 (№ 14290). Этот манифест регулировал правила, по которым дозволялось приобретать и пользоваться экипажами, а также шить ливреи слугам. В начале манифеста шла преамбула, в которой отмечалось, что «в нынешнее время многие дворянские дома расстроены безчастными прошедшими внутренними беспокойствиями, другие в немалом числе отягчены неоплатными почти долгами, и приняв в рассуждении, что РОСКОШЬ (выделение наше – КЕ) день ото дня умножается вместе с дороговизною всего для жизни необходимого», поэтому на первое время вводились правила для заведения экипажей. Правила по своей сути дублировали предыдущие постановления, поэтому останавливаться на них долго не имеет смысла, а вот завершение манифеста также представляет интерес.

«дабы всяк и каждый, сколь возможно, старался удалить от себя все излишние и ненужные всякого рода дворянство разоряющие роскоши: ибо вообще краса и украшение дворянина не суть и никогда быть не могут наружные украшения, как то богатые одежды, или несходственные с достатком экипажи, или великолепные убранства домов, или содержание излишнего и много числа праздных служителей в доме, на век о пашен отлученных, где бы они полне для господина, для себя, и для общества могли быть».

Как мы видим, несмотря на изысканность речевых оборотов, к роскоши относят те же предметы, о которых говорили правители, начиная с Федора Алексеевича: одежда, экипажи, слуги. То, что можно назвать новинкой – это дома, богатое убранство и само дорогое жилье, по всей видимости. Екатерина пишет, что «нет нужды предписывать новых правил», надеясь на правильный образ мыслей и воспитания дворянина, когда в прошлом, дворяне состязались только в добродетели.

Таким образом, с одной стороны Екатерина описывает правила, но, не стараясь учесть все возможные нюансы, предоставляя свободу в том, как жить.

Спустя чуть больше десяти дней Екатерина II добавляет, в указе от 18 апреля 1775 (№14 301), что обер-офицеры, которые по предыдущему закону не имели права ездить в карете, достигшие 50 лет и не выслужившие чина, теперь получили таковое право.

По Учреждению для управления губерний от 7 ноября 1775 года (№ 14 392) стало понятно, кто именно должен следить за исполнениями указов, да и в целом

благополучием в губернии. В соответствии с п. 84 Наместник, которому должны были быть подчинены городская и сельская полиция, должен был пресекать самые разные злоупотребления, но в особенности «роскошь безмерную и разорительную», которая шла через запятую с излишествами, беспутствами, мотовством, тиранством и жестокостью.

Тем самым, мы видим, что понятия «роскошь» и «излишеством» стали параллельными понятиями, при этом в исключительно негативном контексте.

Положения Управления о губерниях повторились в уставе благочиния от 8 апреля 1782 года (№ 15 379), почти дословно.

6 ноября 1782 года (№15 569) выходит указ, который регулировал появление при дворе. Не совсем понятно, почему по большим праздникам дамы могли (насколько фраза «дозволяется» означало рекомендация – сказать сложно) появляться в платья только из московских золотых и серебряной парчи, в то время как в остальные праздники из любой шелковой ткани. Против парчи возражений нет, но почему московская, не ясно, то ли это особый вид ткани, то ли тем самым пытались поддержать отечественного производителя. Известно, что парчовые ткани российского производства уже славились своим качеством в 18 веке.

13 июля 1790 года выходит указ из военной коллегии (№ 16 884), по которому не дозволялось одевать служителей и кучеров с излишеством, и не разрешалось впрягать в карету лошадей больше, чем положено по чину. Если сотрудники управы благочиния видели, что служительская одежда расшита золотыми и серебряными нитками, но эти «роскошные украшения» можно было срезать и доставлять в приказ общественного призрения.

В законодательстве слово «роскошь» и «мотовство» окончательно сливаются в одно понятие уже в александровское царствование в инструкции от 16 мая 1801 года (№ 19 873).

Подобная смена понятий «излишество» на «роскошь» выявленная нами на уровне анализа текста, проявляется и в графике, сделанном в программе Ngram viewer. Мы сравнили частотность употребления слов «роскошь» и «излишество» на корпусе изданий на русском языке с 1700 по 1850 год, мы достаточно четко видим смену словоупотреблений.

А на что тратились эти огромные долговые суммы? Здесь будет представлена попытка реконструкция рациональности/иррациональности экономического

поведения российской элиты на примере отношения к долгам, алкоголю и предметам роскоши.

Термин «Роскошь» неоднократно использовался в русской традиции восемнадцатого века в отрицательном значении, осуждающе.

Доносчик Малевинский писал на Кречетова: «Он де о самой Екатерине «непристойные слова произносил: она-де впавшая в роскошь и в распутную жизнь, и незнающая в правлении престолом, и управляют им наемники....» [70]

В результате следствия было выяснено, что Кречетов говорил о правительстве: «а мерзкое духовенство в храмах лицемерит и льстит, из пышных слов составляя поучения, а потом, глядя усы и бороды, отходят в свои кельи и там упиваются в роскоши, и избылиии своего богатства...» [70, с.73]

Первый лист журнала «Утра» начинался со стихотворения

На троне роскоши сидит он возвышен,

В деревню целую богато облечен,

И бархат златошвен имеет под ногами

Раскрашен, испещрен крестьянскими слезами... [70, с.77]

В номере 1- 2 есть статья о тщете роскошных сооружений Людовика XIV. «Сия пучина поглотила деньги всего государства»

Клушин: «Имение, нажитое трудами праотцев, отдается селениями во Французские и Англинские магазины; крестьяне сих гибельных сынов отечества стонут от поборов; ...для стола, на котором уставлены сладострастные блюда и от которых восходящие пары поглощает тучный обжора...» «О, если бы посмотрел он на состояние своих крестьян пронизательными глазами: увидел бы, чего мнимая его великость стоит им» [70, с.110]. И тут же Клушин полемизирует с Монтескье: «О Монтескю! Ты, который утверждаешь, что в монархическом правлении роскошь должна существовать яко зло необходимое ...клянну твое умоначертание!» [70, с.110].

Крылов: «Крестьянин потеет и трудится целые годы чтобы выплатить колесо богатой кареты или пуговицу с кафтана своего господина Промотова, которых он никогда не увидит» [70, с.113].

В 18 веке много и горячо говорилось по поводу роскоши. (Эмиль Лавелэ. Роскошь и ее общественное значение. Социально-экономический этюд. Перевод с французского К. Гончаровой. Киев, 1898.)

Я называю предметом роскоши всякий предмет, который удовлетворяет потребности не первой необходимости и, стоя много денег, а, следовательно и труда, доступен меньшинству.

Кератри называет роскошью то, «что создает ложные потребности, искажает потребности истинные, извращает их цель, создает между гражданами конкуренцию расточительности, сообщает пустую, надутую гордость богатым и дает другим картину счастья, достигнуть которого они не могут».

Определение роскоши, которое я считаю наилучшим, заключает в себе ее осуждение.

Рошер: «понятие роскоши чисто относительно». Предмет роскоши перестает быть таковым, когда он не так дорог.

Бодрильяр, в упомянутой мною выше книге, глубоко и тонко разбирает чувства человека, порождающие роскошь. Таких чувств, естественных и присущих всем, он насчитывает три: тщеславие, чувственность и любовь к украшениям.

Если общественное мнение склоняется пред добродетелью, то самолюбие или тщеславие побуждают нас делать добро. Если же наоборот, общее мнение обожает богатство, то самолюбие толкает к роскоши.

Чем общество демократичнее, тем больше оправдываются расходы на общественную роскошь, единственно позволительную, которым мы можем смело отнести сады, театры и прочее.

Фирсов Н.Н. Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II. Очерки из истории торговой политики. Казань, 1902.

С. 36 мнение Семена Башилова. «К роскоши автор относится умеренно, считая ее, при избытке рабочих рук, скорее полезной, чем вредной: «когда государство имеет в себе потребное число людей для земледелия, войны и мануфактуры», тогда излишек населения должен быть направлен на производство предметов роскоши, иначе удел этого излишка – праздность. (Политический опыт о коммерции, 1768, с. 81 – 82).

Мнение анонимного автора 1763 года «мемориал российской коммерции»

«Настоящих купцов», по его мнению, следует исключить из подушного оклада: «и как рекрут, так и лошадей и протчаго тому подобнаго с них не брать и ни в какие службы, кроме магистратских не определять».

Стремясь монополизировать торговлю для своего класса, ограничивая его в числе членов, освобождая от подушного оклада и соединенных с ним «тягостей», «настоящие» купцы обещали правительству, что когда все это действительно получит купечество, только тогда на Руси будет заведена «настоящая» торговля, обогащающая государство.

В 1774 году прусский посланник Сольмс сообщал Фридриху II о жалобах купцов в обеих столицах на то, что они ничего не продают и не получают денег за проданный товар от русских дворян, проводящих жизнь в роскоши и увеселениях (Сб. И. Р. И. Общ. Т. 72. С. 548.)

От анонимного автора 1763 года.

О роскоши рекомендуется «подумать до какого градуса» ее «дозволить можно и в чем именно она дозволительна быть может?».

Неплюев И.И. спрашивает: «не соизволено ль будет нужные нам товары пошлиною облегчить, а к роскоши касающиеся отяготить или вовсе воспретить»? Он желал бы, чтобы правительство стремилось «из обычая роскошь и ненужное выводить, довольствуясь своими фабриками, разве чего еще нет или нужно».

Вот почему «ученик» (Неплюев) оказался чутким и к новым экономическим веяниям и, по старому ратуя против роскоши, в то же время высказывался за облегчение ввоза нужных товаров в интересах общества, небезразличных впрочем, и для таможенной политики Петра Великого.

В 1765 году Клингштет составил подробный план о приведении российской торговли в лучшее состояние. Все вопросы разделил на три класса. Во втором классе «те материи, от которых пользы только со временем ожидать надлежит, однакож польза, чаемая от них, столь неоспорима и известна, что не должно ни мало время терять для начатия оных нужных приготовлений».

Во втором классе в 6 пункте 2 вопроса: 1. До какой степени можно дозволить роскошь в государстве с хорошим торговым балансом и 2) полезно ли действительно «при нынешних обстоятельствах (выделено мной), совершенное ограничиванье» роскоши?

Переходя к регламентации торговли предметами роскоши, мы прежде всего отметим, как правительство относилось к ввозу в Россию разного рода спиртных напитков.

Сначала про водку (на основании ПСЗ) чтобы французская водка не подрывала русской водки, но заинтересованы в доходе с ее привоза.

Что касается до разного рода виноградных вин, то они, конечно, не могли подрывать продажу домашнего хлебного вина; привоз их мог давать хороший пошлинный доход, почему либеральное екатерининское правительство очень долго, до 1793 года, ничего не имело против более или менее легкого доступа виноградных вин в империю, ибо в самой России еще только мечтали о «разведении виноградных».

Но поощрение привоза иностранных виноградных вин, как тогда думали многие, имело и нехорошую сторону: прилив на русский рынок приятных иностранных вин развил вкус к ним в достаточных классах общества и повел к усилению мотовства. Спрос на вина стал все более и более увеличиваться, а наш баланс задолженности ухудшаться. Роскошь вообще считалась, да и действительно была (хотя и не в той степени, как тогда думали), вредной для России, а иностранные вина были, конечно, одним из самых вредных видов роскоши; отсюда вышло отрицательное отношение правительства к этому предмету ввоза. В 1795 году (6 февраля) правительство, подтверждая запретительный указ 8 апреля 1793 г., имело в виду «особливо французские вина» (ПСЗ I № 17303), спрос на которые в России был вероятно наиболее обширен. Но раз правительство обратилось к запрещениям и стеснениям, нисколько не удивительно, что оно повысило пошлину и на ром и на «гишпанскую водку» «в сообразность ... возвышения цены на вино, от казны продаваемое» (ПСЗ I № 17425).

Обращаемся к регламентации внешней торговли табаком, когда-то считавшимся не только ненужным, но и богопротивным зельем.

Екатерина, подобно многим ее современникам, была убеждена во вреде «роскоши» для государства и общества, почему даже в либеральную пору царствования этой императрицы мы встречаем целый ряд указов, запрещающих или отягощающих ввоз в России различных «ненужных» предметов, как-то: крашенных мехов, карет, игорных карт и пр. (ПСЗ 12374, 12462, 12530, 13411).

К дворянскому вопросу. Манифест императрицы Екатерины II о сокращении роскоши (1775). Федор Бартенева, РА, 1898. I (3), с. 445-448.

К последним на первый взгляд, можно отнести:

- расширение финансовых инструментов: появление государственного кредита, увеличение видов платежных инструментов (монеты:

серебряные, медные, золотые, бумажные деньги: ассигнации [71; 72], векселя), что фактически могло приводить к обезличиванию денег.

- изменение структуры доходов дворянина, через возможности доступа к системе разного сорта кредита,
- изменения структуры расходов, через приобщение к потреблению предметов роскоши, расширение границ демонстративного потребления.

Собственно доходы дворянина – те, которыми он оперировал и учитывал были только частью всех его доходов. Доход стал дробиться на собственный доход, на доход дому и еще другие доходы, которые проходят по домовый канцелярии. Причем, если у Михаила Илларионовича – оброк – относится к собственным деньгам, то уже у Александра Романовича – нет, у него фактически к собственным деньгам причислялось только жалованье и часть оброчных денег, которые он получил сам. Связано ли это с тем, что жалованье они получали сами, а оброчные деньги переводились через векселя. Вообще жалованье ведь они получали наличной не в кассе, но как-то. Это конечно, очень простое объяснение. И вряд ли верное, но обезличивание рубля, появление ассигнаций вполне могло иметь последствия. Распространение банков. Все это делало деньги какими-то другими возможно.

И все переживания дворян по поводу нехватки средств, может и объясняются тем, что собственными деньгами из всех денежных средств были для них только часть и относительно небольшая.

Важно, что реальный доход (жалованье, оброк) он идет на «расход». «Расход» - это та сумма, которая выдавалась на руки дворецкому или камердинеру, она редко менялась от месяца к месяцу, и выдавалась в начале или в конце месяца, она была стандартной и почти не менялась. Т.е. это было что-то традиционное рассчитываемое - привычное. Другие расходы требовали пояснения для себя, а эта категория нет.

Другие деньги – большая или меньшая сумма шла на все остальное.

5 Экономическое поведение российской элиты периода «вестернизации»

Середина XIX века была отмечена для российского общества драматическими разочарованиями и очевидной необходимостью перемен. Ощущение переходного периода, отраженное в мемуарной литературе и публицистике, порождало неопределенность и растущие ожидания у разных социальных слоев российского общества, связанные с возможными способами выхода из кризиса. Одно из действенных средств решения экономических проблем, эпохи начала Великих реформ, многочисленные представители влиятельного дворянского сословия видели в строительстве железных дорог. В этой связи важно рассмотреть динамику ожиданий и величину реального социального эффекта на микро и мезоуровне отдельного региона.

Прежде детальной характеристики ожиданий и разочарований, постигших жителей одной из обширных черноземных губерний, рассмотрим, что представляет собой ожидания как социально-экономический феномен. В ряде фундаментальных экономических теорий ожидания признаются важнейшим фактором, определяющим мотивацию людей (экономических субъектов).

Очевидно, что ожидания представляют собой важный фактор исторической динамики. Именно в формате ожиданий на повседневном уровне конструируются представления о ближайшем будущем. Поскольку ожидания тесно связаны с мотивацией они часто являются объектом манипуляции.

Ожидания приобретают особую значимость в периоды нестабильности, перехода, бифуркаций. В ситуации, когда прежде стабильные информационные каналы блокируются, недостаток информации открывает дорогу влиянию ожиданий, иллюзий, настроений и других психологических факторов, искажающих логику рационального расчета. Но и сами ожидания могут выступать одним из рычагов, который ведет к рассогласованию экономической системы (Т. Парсонс, Ч. Джонсон).

В 1960-е годы появляется ряд теорий, описывающих роль ожиданий в социальных конфликтах в ракурсе концепции депривации (неравенства в доступе к социальным благам). Одна из первых моделей влияния ожиданий была предложена американским социологом Дж. Дэвисом. Модель описывает в общем виде динамику реальных и ожидаемых изменений социальных показателей. Ключевым элементом

теории является описание момента, при котором реальность в силу объективных причин перестает соответствовать ожиданиям, что ведет к росту неудовольствия и социального напряжения.

С точки зрения ожиданий период Крымской войны крайне важен, так как именно в это время общественные дискуссии о значении нового вида транспорта не только для экономики, но и в целом для общества достигли очень большого размаха. Неоднократно железнодорожная тематика фигурировала в контексте осторожного поиска эффективных альтернатив развития России. В то же время, железные дороги воспринимались как символ прогресса не только экономического, но социально-культурного. Отчасти это было связано с тем, что этим транспортом обладали в тот момент страны, являвшиеся своего рода образцом для России, стремившейся соответствовать европейским культурным стандартам. Возможно поэтому, в годы обсуждения и начала обустройства первых русских магистралей, в обществе были распространены явно завышенные ожидания от результатов этого строительства. Преувеличивались территориальные границы, скорость и глубина экономических, социальных и культурных изменений. Например, считалось, что железные дороги смогут выступить действенным средством «искоренения вражды наций» и т.д.

В это время у подавляющего числа представителей высшей бюрократии еще сохранялись архаичные стереотипы о способах и средствах развития новых путей сообщения. Так, например, когда теоретизирование сменилось активной практикой, стало господствовать мнение, что железнодорожное строительство вполне можно обеспечить наймом необходимых специалистов из-за рубежа. Однако деятельность Главного общества русских железных дорог (ГОРЖД) и безуспешные попытки правительства при помощи обширных льгот добиться привлечения русских и заграничных инженеров и финансистов к участию в железнодорожном строительстве заставили пересмотреть исходную стратегию привлечения отечественных специалистов к железнодорожному делу.

В предреформенный период, когда стратегическое значение железных дорог было недооценено, а их экономическая роль вызывала сомнения, составила группа влиятельных консерваторов, виднейшим представителем которой был Егор Францевич Канкрин. Понимая, что проведение железнодорожных путей способствовало бы исчезновению некоторых, важных для государства и населения, промыслов и изменило бы существовавший порядок распределения труда,

противники железнодорожного проекта усматривали в строительстве рельсовых путей нечто революционное, способное поколебать основы государственной независимости. [77] Основания для подобных опасений у консерваторов были вполне осязаемые. Например, Николай Гаврилович Чернышевский, говоря о необходимости отмены крепостного права упоминает о движении массы (до тридцати тысяч) крестьян Могилевской и Витебской губернии на постройку Санкт-Петербург–Московской дороги. По слухам, распространяемым крестьянами, правительство давало свободу всем, «кто будет работать в течении известного времени ... на железной дороге.» [78]

Опыт строительства первых российских железных дорог в 1830 - 1840-х гг. показал, что развитие сети рельсовых путей невозможно в условиях жесткого примата государства. По наблюдению Кислинского это стало понятно даже администраторам николаевской эпохи. Признавая, что руководящая роль во всех областях государственной жизни принадлежала тогда «исключительно правительству», а частная инициатива «в виду, слабого развития общественной жизни вообще, во-первых и сказывалась мало, а во-вторых —далеко не всегда охотно поощрялась Правительством», Кислинский отмечал, что «в отношении железных дорог не представлялось, однако, возможности всецело держаться того же образа действий...» [79] Причина крылась в том, что на фоне очевидной необходимости модернизации коммуникаций государственная казна не имела возможности производить новые займы для решения этой задачи. Поэтому, было решено пойти на «допущение частной инициативы» наряду с мерами по развитию контроля над частными железнодорожными компаниями. Это дает основание видеть в железнодорожном строительстве один из факторов развития общественной жизни в предреформенной России и объясняет возникновение уже в 1830 – 1840-е годы широкого обсуждения железных дорог и их значения.

Мощным фактором, формировавшим ожидания, становится пресса. На страницах периодической печати 1830 - 1840-х годов словосочетание «железная дорога» являлось одним из активных элементов лексического состава. [80]С развитием рельсовых путей авторы публикаций в «Санкт-Петербургских ведомостях», «Северной пчеле», «Современнике», «Отечественных записок» и др., связывали надежды на успешное экономическое и общественное развитие империи в будущем. Кроме того, в условиях жесткого государственного контроля над

общественным мнением, технический прогресс оставался, пожалуй, единственной формой прогресса, упоминание которой было дозволено в печати.

Авторы статей затрагивали не только устройство паровых экипажей и вагонов, но и обсуждали наиболее выгодные и вероятные направления линий будущей железнодорожной сети России. Направление от Москвы к Волжским пристаням, через плодородные нивы Черноземья представлялось одним из важнейших. Так, в 1839 г. корреспондент журнала «Сын Отечества», отмечал: «всем таким видам могут удовлетворить вполне три линии железных дорог: первая и важнейшая от Санкт-Петербурга через Москву до Тамбова и Саратова».[81]

Учитывая, что и в большинстве статей на железнодорожную тематику, относящихся к 1850 и особенно 1860-м гг., так или иначе присутствовал мотив возможных выгод от проведения новых линий, можно утверждать, что роль прессы в распространении завышенных ожиданий была значительна.

В пореформенные десятилетия железнодорожное строительство становится одним из краеугольных камней экономической политики. Это обуславливалось очевидной необходимостью развития путей сообщения, не соответствующих решению срочных экономических и финансовых проблем. В отличие от Егора Францевича Канкрин, министр финансов Михаил Христофорович Рейтерн ожидал от развития железнодорожного строительства не социальных потрясений, а роста государственных доходов, получаемых от экспорта хлеба.

Обратим внимание, что сама фигура М.Х. Рейтерна, оказавшегося у руля финансовой реформы с 1862 г., не вписывалась в консервативные форматы николаевской традиции, даже по параметрам своей карьерной траектории. Окончив в 1839 г. Царскосельский лицей, он начал службу в министерстве финансов, а затем продолжил ее в министерстве юстиции, в 1854 г. перешел в морское министерство, где сблизился с великим князем Константином Николаевичем. В 1855 - 1858 гг. по предложению Комитета финансов был командирован для ознакомления с бюджетным делом в США и ряд европейских стран, а по возвращению опубликовал несколько статей, предлагая принять решительные меры по преодолению финансового кризиса. В 1858 г. он был назначен статс-секретарем и управляющим делами комитета железных дорог, а через два года он становится участником Редакционных комиссий и заведующим делами финансового комитета. В январе

1862 г. М.Х. Рейтерн становится управляющим министерством финансов, олицетворяя собой эпоху перемен в экономике и финансах Российской империи. [82]

Но для дворянства аграрных губерний, тесно связанного с крепостным хозяйством, пореформенное десятилетие принесло с собой финансовую неопределенность, смещение ценностных ориентиров и напряженные поиски новых моделей экономического и социального поведения. В этих условиях сформировались завышенные ожидания о возможностях железных дорог по оздоровлению хозяйств, которые основывались на недостатке информации и поверхностных выводах, почерпнутых из статей в столичных журналах.

Эти ожидания материализовались в прошениях и записках, адресованных как в министерства империи, так и непосредственно на высочайшее имя. Со временем такого рода прошения стали объектом специальной заботы железнодорожных королей, использовавших их в качестве доказательства собственных рассуждений о важности постройки дороги в избранном районе.

Первые прошения появились в связи с планами строительства Южной магистрали, важной частью которой был Московско-Курский участок. В начале 1864 года более пятидесяти помещиков Тульской губернии при поддержке губернатора подготовили и отправили в Министерство путей сообщения адрес, где доказывали необходимость проведения дороги по землям их уездов. Они описывали бедственное положение губернии, лишенной надежных путей сообщений. По мнению просителей, железная дорога должна была оживить не только торговлю, но и промышленность тульского края. «Требования дороги создали бы правильную и усиленную разработку каменного угля и удешевили бы его добывание, что поддержало бы существующие в губернии многочисленные свеклосахарные, винокурные и крахмальные заводы и сохранили бы лес Окского бассейна.» [83]

Отсутствие надежных путей сообщения считалось причиной затяжного экономического кризиса и в губерниях Черноземья. Представители орловского дворянства и купечества настойчиво доказывали необходимость проведения дороги через Орел, Мценск и другие крупные торговые центры. Они внимательно следили за новостями железнодорожного дела, это хорошо иллюстрирует следующий сюжет.

В конце 1857 г. инженеру П.П. Мельникову, возглавлявшему изыскания по линии железной дороги Москва-Черное море, были представлены планы и проектные расчеты по участку Москва-Курск. [83] Результаты полевых

исследований показывали наличие сложного рельефа, требующего большого количества земляных и мостовых работ, поэтому в бумагах, полученных Мельниковым, линия дороги существенно отклонялась от первоначального варианта, проложенного по картам. В частности, дорога оставляла Орел в 40 верстах западнее, вследствие сильно пересеченной местности. Создание необходимых насыпей и выемок потребовало бы, по объяснению главноуправляющего путями сообщений К.В. Чевкина, увеличения работ и удорожания стоимости дороги на 6 млн. рублей. [83, Оп. 1. Кн. 4. Д. 6299, Л.74-75] И хотя дальнейшие изыскания, оконченные лишь к середине 1860-х, позволили значительным образом оптимизировать линию, подведя ее к самому Орлу, слухи об обходе железной дорогой будоражили деловую элиту города. Представители дворянства и купечества направили на имя главноуправляющего путями сообщений обширную петицию, в которой доказывали убыточность удаленного расположения дороги от города. [127, Оп. 1. Кн. 3. Д. 5119, Л.32] В 1864 г. городской голова Мценска обратился в ведомство путей сообщения с настоятельной просьбой провести дорогу через Мценск, а Дума Мценска приняла решение о безвозмездной уступке городской земли под линию и станцию дороги. [128, . Оп. 1. Кн .4. Д. 5965, Л.42]

Сложно сказать насколько именно эти петиции определяли конечный результат трассировки дороги, ведь даже незначительное отклонение линии могло потребовать миллионного увеличения стоимости строительства. Однако длительный период изысканий по линии Южной дороги (продолжались фактически с 1854 по 1865 гг.) и неоднократные корректировки планов дороги могли создать иллюзию у потенциальных участников железнодорожного дела о действенности прошений, адресов и петиций. Неслучайно, один из первых железнодорожных предпринимателей Павел Григорьевич фон Дервиз, добиваясь железнодорожной концессии на Рязанско-Козловскую дорогу, именно в 1864 г. обратился к предводителю дворянства Тамбовской губернии с просьбой организовать коллективный адрес дворянства, подобный тульскому. [84]

Многим представителям провинциального поместного дворянства казалось, что достаточно было провести железную дорогу и ситуация в корне переменится: «чугунка» воспринималась как некая панацея. В этой связи характерно мнение воронежского дворянства купцов – предпринимателей. Они поддерживали проведение дороги на Козлов и оттуда на Воронеж, так как считали, что «только

этими средствами Воронежская губерния может выйти из настоящего застоя, как в сельскохозяйственном, так и в торгово - промышленном отношении». [84, Оп. 1 Д. 7267. Л. 130-131] Крупные тамбовские землевладельцы тем более были прямо заинтересованы в проведении железнодорожных линий, чем более ставился вопрос о продолжении дороги к портам Азовского моря через Тулу и к Одессе через Калугу и Киев.

Движущей силой этого этапа железнодорожного строительства в Тамбовской губернии выступил губернский предводитель дворянства С.Д. Башмаков, поддерживающий контакты с П.Г. фон Дервизом. Пример участия предводителя дворянства в деле строительства железной дороги отнюдь не был исключительным и, в какой-то мере, предопределил последующее вовлечение в этот процесс губернских и уездных земств.

В условиях сильной дифференциации дворянского сословия и отношение к пожертвованиям у помещиков не были однородными. Тогда как крупные и средние помещики готовы были предоставить собственную землю даже для проведения там изысканий железа и угля, необходимых для железной дороги, мелкопоместное уездное дворянство опасалось новых издержек. Характерны ответы уездных дворянских собраний на просьбу тамбовского губернского предводителя С.Д. Башмакова.

Так, в резолюции липецкого уездного земского собрания говорилось, что «при лучших обстоятельствах местные жители не отказались бы со своей стороны способствовать по возможности устройству такой дороги, но что при настоящих местных средствах нельзя и думать о содействии этом со стороны местных жителей в материальном отношении». И все же и оно, в определенной своей части, выражало желание «участвовать покупкою акций...».[84, Оп. 1 Д. 7267. Л. 62] Дворянство Усманского уезда, выразило понимание пользы железной дороги и отметило, что «за отдаленностью судоходных рек, при неимении в уезде дорог шоссейных и неудовлетворительном состоянии грунтовых, сбыт хлеба и вообще сельскохозяйственных произведений крайне затруднен и дорог, что в последнее время замечается застой хлеба и упадок торговли». Но и в среде усманского дворянства появились помещики, которые были подозрительны и усматривали в «деле» прежде всего личную выгоду устроителей дороги. К резолюции собрания этого уезда прилагалось «особое мнение» некоего подполковника К.В. Яковлева. «На

предложенный вопрос о пользе железных дорог, конечно, никто спорить не будет, - писал Яковлев. - О желании же местных жителей доставить сбыт произведениям, которые гниют от невозможных дорог так же никто сомневаться не будет. Но и без того уже утверждена линия на Рязань с продолжением ее на Козлов и концессия эта подписана государем императором, опубликована в газетах, а о дошедших до г-на Губернского предводителя дворянства слухах нам неизвестно, и какие это слухи и на чем основаны и каков конечный результат того не ведаем и нам г-н Губернский предводитель дворянства не объясняет. Если это ведет к каким либо пожертвованиям с нашей стороны, то денег у нас нет, а если землю, то у нас за отведение ее крестьянам осталось и без того немного при залоге ее в казне и прочих долгах лежащих на этих землях. Желательно было бы знать, в чем состоит этот вопрос и чтобы он был изложен нам яснее и не поведет ли он за собою каких - либо с нашей стороны жертвований?». [84, Оп. 1 Д. 7267 Л. 64] Судя по всему это мнение было характерно для многих мелких тамбовских помещиков.

Перелом произошел в середине 1860-х гг. Он был связан с успехом Рязанско-Козловской железной дороги и деятельностью П.Г. фон Дервиза. Этот успех породил новый виток ожиданий, которые сменили настороженное недоверие части провинциальных помещиков. Журналист и знаток жизни провинциального дворянства С.Н. Терпигорев описывает ажиотаж средней руки землевладельцев: «в нас уж не оставалось никакого сомнения насчет того, что мы будем через год, через два иметь «свою дорогу», которая оживит нас, и даже не только оживит, но просто обогатит. Пример рязанской дороги был у всех перед глазами; все мы отлично знали, какой громадный дает она дивиденд на акции тем счастливым, которые получили их при подписке. И мы уж охотились заранее продать не только половину Осиновок и Ивановок, но даже последние штаны, чтобы только подписаться на акции «своей» дороги». [85]

Как только стало известно о строительстве Козлово-Воронежской линии, дворянство Усманского уезда, занявшее поначалу выжидательную позицию, само выступило инициатором петиции воронежскому губернскому предводителю дворянства А.Н. Сомову с просьбой ходатайствовать о проведении дороги ближе к городу Усмани. Усманский уездный предводитель дворянства подчеркивал: «Принадлежа сам к числу землевладельцев Усманского уезда я не могу не сочувствовать желанию городских жителей, интерес которых в торговом отношении

так тесно связан с интересами землевладельцев, и потому, в видах оживления торговли и промышленной деятельности всего уезда я решил обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшую просьбой: употребить Ваше ходатайство и влияние к возможно ближайшего к Усмани назначению станции железной дороги.» [86]

Изменения во взглядах, последовавшие вслед за успехом Рязанско-Козловской дороги были очевидными. Один из первых историков «железнодорожного дела» А. Кислинский, характеризуя конец 1860-х гг. отмечал, что «в обществе того времени, в противоположность настроению первой половины того же десятилетия, господствовал несколько оптимистический взгляд на будущие финансовые результаты эксплуатации строившихся и предположенных к сооружению рельсовых путей». [87]

Представители региональной элиты рассчитывали на получение хорошей прибыли не столько от эксплуатации, сколько от посредничества при получении концессии. Практика посредничества была проста и понятна представителям дворянского сословия и являлась самой распространенной формой участия дворянства в создании коммерческих предприятий.[87] На фоне общей деловой пассивности дворянства, озабоченного выживанием в новых социальных условиях ярко выделялись личности, обладавшие предпринимательскими способностями и оценившие выгоды переходного времени. Именно эта категория людей составляла «ядро» учредителей, генерировавших земские инициативы в области железнодорожного строительства. Доминирующей ценностью таких лидеров, было, конечно, личное обогащение. Однако, зачастую, единственным эффективным инструментом, которые они могли использовать оставались родственные и корпоративные связи.

В борьбе за создание собственных партий в поддержку того или иного проекта широко использовалась как периодические издания, так и публикации самостоятельных, записок, отчетов, мнений. Дискурсивная широта этих текстов показывает, что их целью было формирование максималистских представлений о региональном охвате, экономических и культурных выгодах, которые может принести железная дорога. [88] И хотя влияние прессы на потенциальных акционеров, судя по всему, оказывается более сложным, чем прямое стимулирование ажиотации, эти публикации несомненно имели воздействие на

общество. Главной целью печатной атаки были предводители дворянских собраний, а в пореформенное время деятели земств, то есть те люди от которых формально зависело утверждение земских смет. Но к ним прислушивалось и рядовое дворянство, видевшее в покупке акций железных дорог залог возможности спокойного и привычного существования на проценты от железнодорожных акций.

Пространственный фактор – очень важный элемент ожиданий железной дороги. Пространство или вернее издержки, связанные с его преодолением, считались основным препятствием к развитию российского внутреннего рынка. В то же время способность железной дороги нивелировать пространственный фактор явно преувеличивались. Одной из характерных черт завышенных ожиданий этого периода являлось представление о том, что единственно только железная дорога способна стимулировать экономическое развитие обширных территорий. Публикации, предваряющие строительство первой земской дороги от Козлова до Воронежа содержат характерное для того времени описание выгод местностям, по которым пройдет железно-дорожная линия: «Первая верста, проведенная от Козлова, на долго решит все будущее направление дороги. Проведут ее на восток: процветет восток Тамбовской, запад Саратовской губернии и вся Пензенская. Туда обратятся все капиталы, приток рабочих, обогащение, торговля, там настанет желанный конец хозяйственного кризиса. Проведут ее на юг, все это будет уделом Воронежской губернии, и жителям ее можно будет предвидеть в будущем соединение их рынков с портами Азовского моря, прочное вступление в область всемирной торговли, и еще многое...» [89](о чем автор умолчал, боясь «поддаться увлечению»). Стоит отметить, что данные примеры не единичны.

Несоразмерность представлений о регионе, на который оказывает влияние железная дорога и характере этого влияния могли бы остаться объектом изучения истории общественных взглядов, если бы это обстоятельство не выступало основанием для выводов земских деятелей о вероятной рентабельности гарантии земских железных дорог. В действительности зона экономического влияния железной дороги ограничивалась радиусом в 20-70 верст, что и было подтверждено в 1870-х гг. выводами комиссии Э.Т. Баранова и исследованием О. Мертенса.

Казалось бы усилия земских уполномоченных не прошли даром. В 1866 г. воронежскому земству была выдана концессия на Козлово-Воронежскую дорогу, ставшую первой дорогой с земской гарантией, в 1867 г. концессия на земскую

Елецко-Грязжскую дорогу была получена на сходных условиях. Особенно богат земскими концессиями был 1869 год, когда была выдана концессия на Грязе-Борисоглебскую, Тамбово-Козловскую, и Тамбово-Саратовскую дороги. Однако там, где за спинами земцев не виднелись фигуры крупных предпринимателей и их вельможных покровителей, желаемое благоденствие не наступало с постройкой железнодорожного пути. Наоборот, издержки и расходы по земской гарантии начинали потреблять все большую долю земского бюджета.

Пробудившийся индивидуализм предпринимателей от земства втягивал в конкуренцию даже земские учреждения разных уездов одной губернии. Тамбовский губернский предводитель дворянства Кондоиди, несмотря на свои усилия, не нашел понимания у представителей уездных земских собраний совместно обсудить решение о строительстве железных дорог. В особой записке он отмечал: «... предложение о созыве Чрезвычайного Губернского земского собрания для указанной цели не нашли сочувствия у Председателей Уездных управ, бывших на съезде, почему настаивать на необходимости такого созыва не представлялось удобным; тем более, что в это время возбудились уже толки о самостоятельности Уездных Земских собраний и полной их независимости от Губернского. Сверх того предполагалось, что уезды, желающие иметь железные пути могут сами хлопотать об этом, а губернскому собранию мешаться в этом незачем.» [84, оп.1 д.7465 Переписка о Грязе-Борисоглебской жд. 1866-1868. Л.13-24]

Конкуренция в условиях «железнодорожной горячки», провоцировала принятие рискованных решений вроде инициативы гарантии земствами собственных железных дорог. Несомненно, что в значительной мере такие инициативы могли снискать поддержку земских деятелей и помещиков Тамбовской губернии лишь в силу еще бытовавших в 1860 - 1870-х гг. завышенных представлений о результатах железнодорожного строительства.

В эпоху перемен и нестабильности, которой и являлся рубеж 1850 - 1860-х гг., ожидания становились самостоятельной и влиятельной силой, формирующей общественные настроения. В этих условиях появление нового транспорта сконцентрировало субъективные поиски выхода из экономического и хозяйственного кризиса в ожиданиях проведения линий железных дорог, потенциальные возможности которых поражали обыденное сознание. Преувеличение экономических и культурных эффектов от скоростной

транспортировки грузов и пассажиров способствовало формированию завышенных ожиданий у региональных элит. Эти ожидания стали катализатором провинциальных железнодорожных инициатив, мотивировали значительные уступки со стороны губернских, городских администраций и земств железнодорожным учредителям и подрядчикам.

С другой стороны, ожидания сформировали некий общий настрой административной системы в 1860-е гг., рассматривающей обращения городских обществ и земств как часть органичного процесса развития железнодорожного дела. При всей традиционности данного института в обсуждении и обращении к власти образованной части общества можно разглядеть элементы открытых социальных структур, нетипичных для патерналистской традиции. Стоит оговориться, что преувеличивать открытость института петиций не стоит, так как результаты действия этих посланий обнаруживаются лишь в материалах дел по строительству тех или иных дорог и крайне редко в ответных сообщениях их инициаторам.

Со временем, однако, стало очевидно, что описание «экономических нужд» того или иного края могли иметь мало общего с действительностью и служили лишь инструментом для получения выгодных концессий. Горьким доказательством этого служили убыточные дороги, которые принесли единовременную прибыль лишь узкому кругу концессионеров, а впоследствии задохнулись без грамотного финансового и логистического управления. Именно в таком состоянии находилась до выкупа в казну земская Тамбово-Саратовская дорога, которая до начала эксплуатации рассматривалась как одна из самых перспективных в финансовом отношении линий. Саратовскому земству удалось получить разрешение на концессию благодаря использованию потенциала личных связей Н.Д. Давыдова, Д.Ю. Лупандина, М.Н. Беклемишева, Н.П. Инглези и А.П. Коваленкова, испросив Высочайшее соизволение помимо министра внутренних дел.

Явная «виртуальность» экономических характеристик района предполагаемых железных дорог, изменение внутривластной конъюнктуры, а так же усиление государственного контроля в области строительства и эксплуатации железнодорожных линий привели к потере значимости общения власти и общества в форме адресов и петиций по железнодорожному вопросу. Показательно, что когда в 1891 г. тамбовский городской голова препроводил в министерство внутренних дел очередную записку о направлении «предположенного к постройке... нового пути к г.

Камышину не от станции Рассказово, а от г. Тамбова», ответом ему было грозное письмо на адрес губернатора, подписанное товарищем министра внутренних дел Вячеславом Константиновичем Плеве. Чиновник прямо указал губернатору, что «в МВД поступила вне установленного порядка докладная записка Тамбовского городского головы» и предписывал ему «не изволите ли разъяснить, кому следует, требуемый ст. 13 городского положения (т. III, ч. 1., Свод Законов, изданный в 1866) порядок сношений городских Общественных управлений с правительственными установлениями.» [90] Частные советы в устройстве железнодорожных линий государству больше не требовались.

6 Отношение российской элиты XVIII- XIX вв к долгам

Ситуация особенно путается в связи с банками. Дело в том, что сам факт наличия капитальной суммы в банке, с которой можно получать ежегодные проценты, не означало, что не было долгов в тех же или других банках и также под проценты. И из каких денег положены деньги в банк под проценты не всегда ясно.

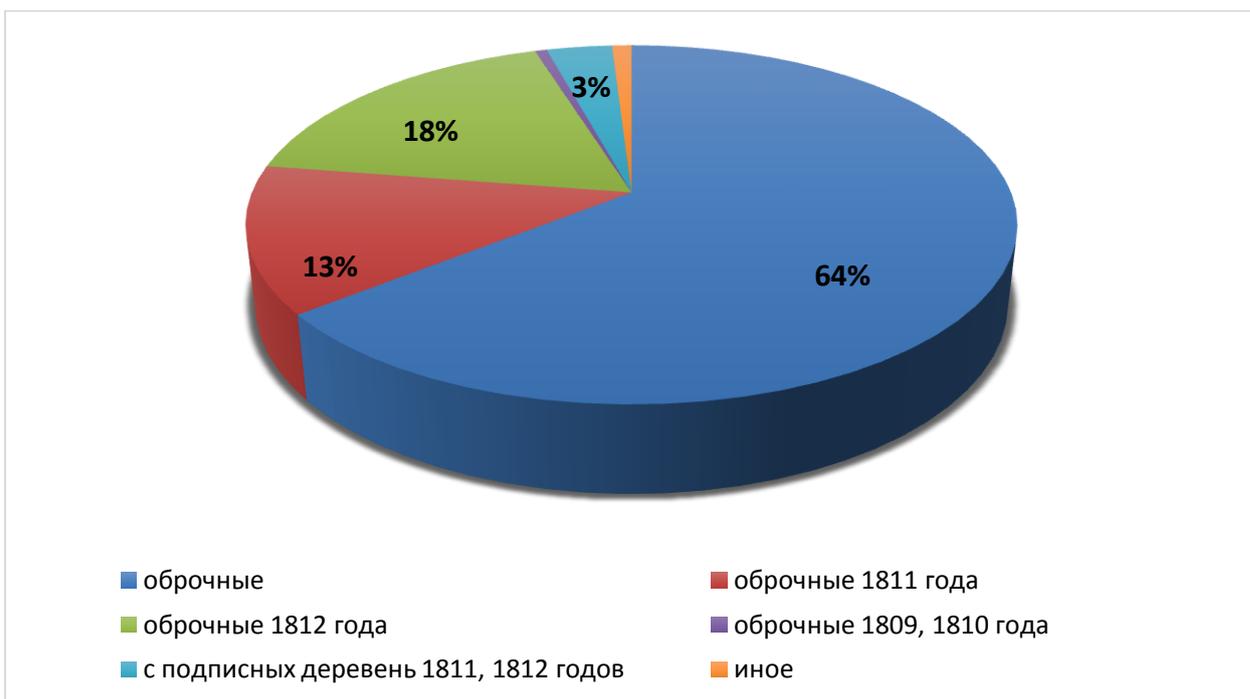
Финансовые бумаги Александра Романовича в 1774 году демонстрируют, что уже в 1774 году у него лежало в банке 55 тыс. капитала, с которых он получал 2 500 в год, при этом ежегодно отдавал 4 500 в воспитательный дом на проценты по займу. Не считая того, что за ним числилось 3 000 мелких долгов, 19 000 - в Берг-коллегию и 34 000 - в медную экспедицию [63, Оп. 2. Д. 165.л 4.6].

Похожую ситуацию обрисовывает и Василий Борисович Голицын, который писал брату 18 марта 1775 года: «во первых зделать вернаи щот всему долгу, в разсуждении працентов записок и выкупов во отсутствие мое но и в самых працентах можить быть снисхождение какое будит а не безбожное, ибо настоящаго капиталнаго долгу не более на мне как 54 000 рублие а дватцать тысец клал и кладу на праценты, и так мню всего на мне долгу не боле можить быть и з беззаконными процентами как семдисить четыре тысячи рублие...» [11, с.35]. Насколько это было экономически выгодно, а не было данью моде или традиции сложно сказать. В этой фразе Голицына очень ярко проявляется отношение к процентам, как к чему безнравственному и грабительскому. Вообще мы встречали указание на то, что капитальную сумму платить согласны, а вот проценты всячески старались уменьшить.

Недостаток наличных денег приводит к смешению реального дохода дворянина от сельского хозяйства с мирскими (суть крестьянскими) деньгами. Эту часто встречающуюся модель продемонстрируем на примере доходов Барятинских [104]. Три первоначально разделенных и учтенных в разных строках дохода суммы: господская, штрафная и мирская, в течение года несколько раз перетекли из одной в другую. Что здесь является долгом и кому?

Изучение системы повседневных расходов российского дворянства в основном строится на детальном рассмотрении записей денежных трат в приходно-

расходных книгах. Однако, невозможно сделать вывод о том, были ли эти расходы чрезмерными или же нет, без учета уровня доходов. Ведь именно разница в сумме прихода и расхода говорит о том, осталась ли какая-либо денежная сумма по итогам года в остатке, сошлись ли приход и расход, или же расходы превышали доходы, что приводило к появлению долговых обязательств дворян. На рисунке 7 приведены данные о приходе денежных сумм в 1813 году на основании приходно-расходной книги 1813 года одного из сел князей Голицыных - села Гривы.

Рассчитано по: НИОР РГБ. Ф.64. К. 43. Ед. хр. 2. Подсчет наш.

Рисунок 7 - Приход денежных сумм в 1813 году

Главным источником дохода являлся оброк, относительное значение которого в первой половине 19 века увеличивалось [110]. Зачастую денежные суммы поступали к владельцу имения от продажи хлеба и/или масла, лошадей. Во многих имениях ситуация, когда приход превышал расход, являлась редкой, и возможна была лишь в благополучные годы. На основании записей о приходе денег в источнике можно сделать подсчет, показывающий, что общий приход в 1813 году составил 16 020 рублей. Большая половина этой суммы, а именно 10 293 рубля, приходится на собранные с деревень в 1813 году оброчные. Также на диаграмме видно, что более 30% прихода составляют недоимки с оброчных за четыре

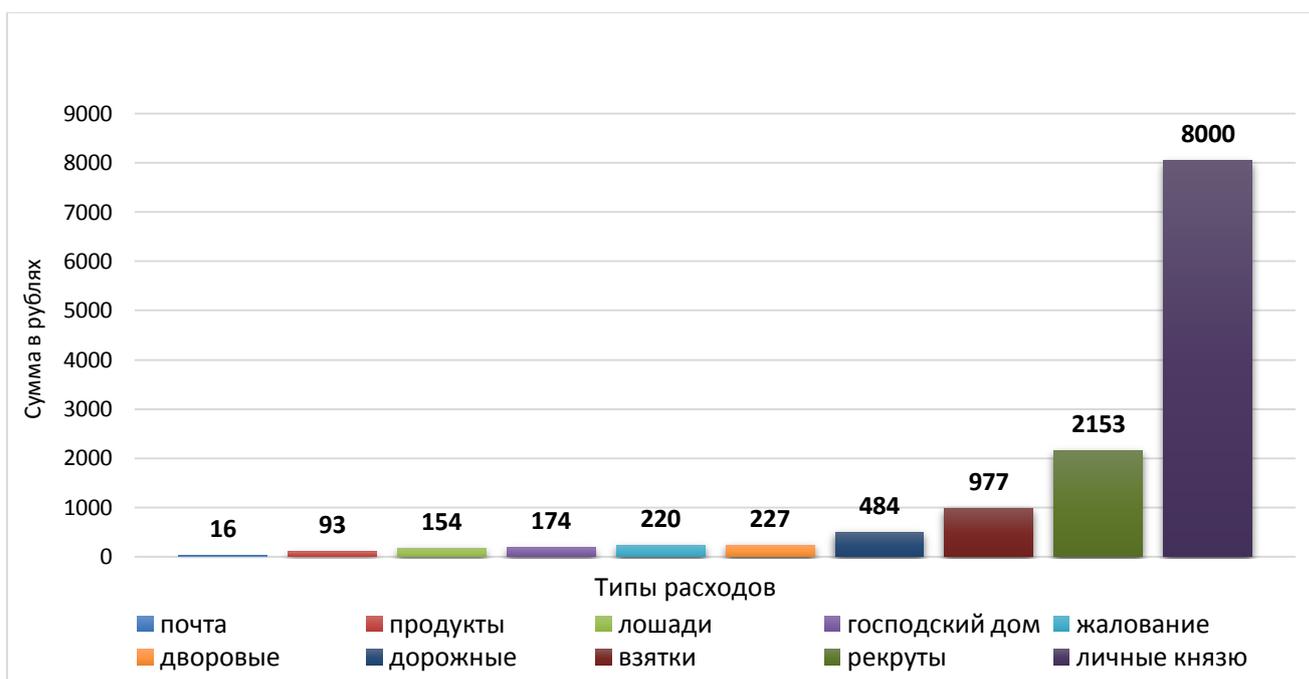
предшествующих года с 1809 по 1812, суммой 5 049 рублей. Недоимки могли возникать по ряду причин: крестьяне не хотели платить оброк, не могли этого сделать по причине недостаточности продуктов или же денег, возможно, крестьяне могли не успеть предоставить оброк к обозначенному сроку. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что имение Голицыных Гривы было полностью переведено на оброк, более того их часть напрямую шла на личные нужды князю, что видно из рисунка 7.

Для понимая принципов ведения хозяйства во владениях князей Голицыных важно, в какой форме крестьяне несли свои повинности. Барщина предполагала расширенное использование ресурсов вотчины, тогда как оброк способствовал приобщению крестьян к рыночным отношениям [111]. Доход имений осуществлялся не только за счет оброчных денег. К примеру, в селе Гривы было две мельницы: верхняя и нижняя, что мы можем увидеть из одного из счетов на имя князя Сергея Михайловича Голицына, хранящегося в фонде данного рода в РГАДА. Счет датируется 1 июля 1816 года и фиксирует суммы полученного в течение июня дохода с мельниц [112]. С уверенностью можно сказать, что и в 1813 году эти мельницы также существовали, так как в 1813 году князь Александр Михайлович подал в нижний земский суд ведомость о нанесенном ущербе в ходе французского нашествия. В данной ведомости уже фигурировали мельницы, при чем как оставшиеся в полной сохранности [113]. Итак, в счете 1816 года зафиксировано, что в июне доход с верхней мельницы составил 171 рубль, при том что она простаивала восемь дней без воды, с нижней – 123,75 рубля при простое «за неимением воды» в течение девяти дней [112]. Всего доход с мельниц в селе Гривы за июнь составил 294,75 рублей. Так как мельницы в Сычевском уезде, селе Гривы были водяными, их работа не могла быть круглогодичной, а зависела от таяния рек. Поэтому они могли приносить доход примерно шесть месяцев в году в период с мая по октябрь, что в среднем за год составляет 1768 рублей.

Данная политика в отношении крестьянской общины характерна для Голицыных, выступавших всегда не за эксплуатацию крестьян ради получения максимально возможной выгоды, а за нахождения взаимопонимания между приказчиками имений и крестьянскими общинами. К примеру, можно привести слова из духовного завещания князя Дмитрия Михайловича Голицына, именно ему принадлежал замысел создания больницы в Москве. «Всякаго рода, могуція быть на

крестьянахъ моихъ, по день кончины моей, недоимки, не взыскивать и не требовать; сверхъ чего я увѣщаю моихъ племянниковъ, яко человекъ, содержать всѣхъ моихъ крестьянъ, достающихся имъ единственно по моей воли, въ отечественномъ призреніи, какъ то и при мнѣ было, и не отягощать ихъ свыше силъ человеческихъ, помня, что и они ближніе и намъ весьма полезные люди» [114].

Рисунок 8 наглядно демонстрирует, что наибольшее число полученных средств было потрачено именно на личные нужды князя. Так, всего в 1813 году было потрачено 12 635 рублей, из них 8 000 рублей (7 000 рублей – в ноябре, 1 000 рублей – в декабре) было отправлено Сергею Михайловичу Голицыну в Москву на личные нужды. Этот расход составил 63 % от общей суммы трат в 1813 году, но даже при учете этого в остаток на 1814 год поступило 3 385 рублей, так как доходы от имения превысили расходы на его содержание и средства, выделенные на личные нужды князя.

Рассчитано по: НИОР РГБ. Ф.64. К. 43. Ед. хр. 2. Подсчет наш.

Рисунок 8 - Типы расходов в 1813 году

Второй по величине стала статья расходов на рекрутов. Безусловно, говоря о данном виде расхода стоит помнить об исторических обстоятельствах рассматриваемого периода. Рекрутские наборы, проводившиеся по мере необходимости комплектования армии, были не ежегодными, однако в военное

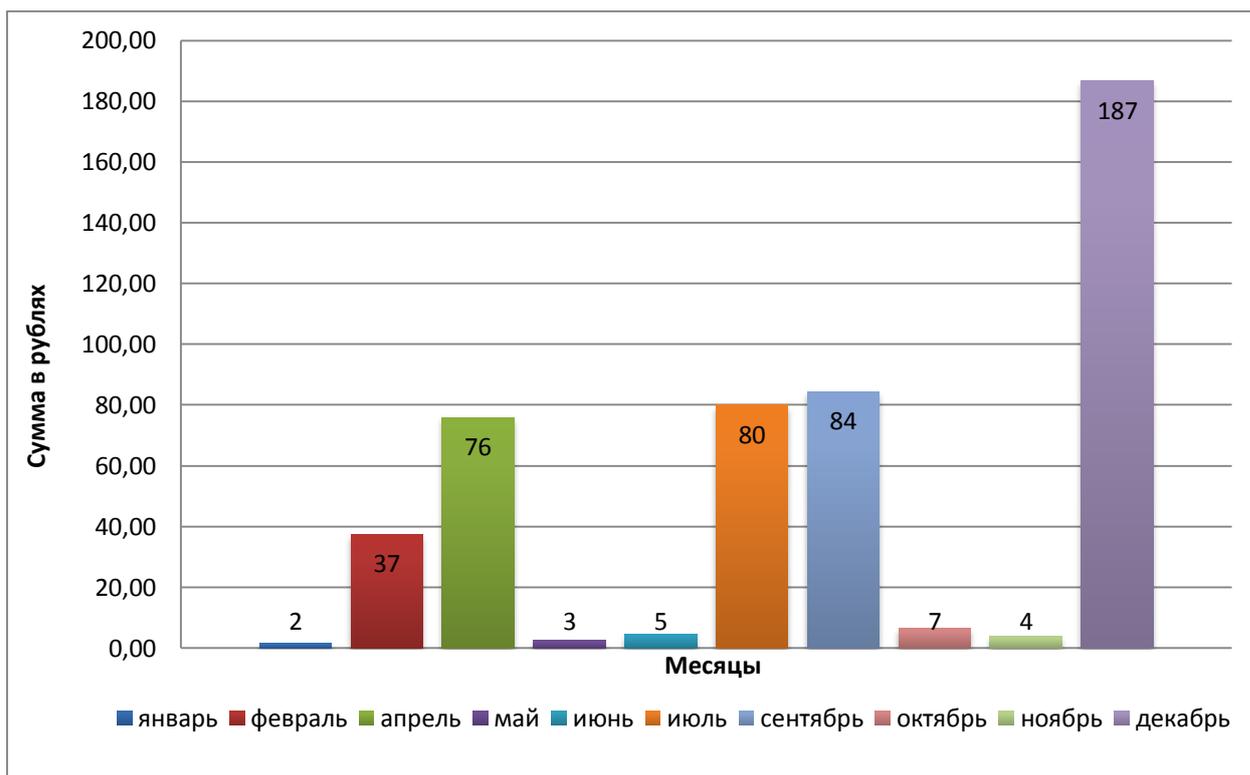
время их количество могло достигать нескольких за год. Так, в 1812 году было проведено три рекрутских набора, в 1813 году ввиду заграничных походов русской армии также был организован сбор рекрутов – 85-й рекрутский набор [115]. Он также характеризовался увеличенной военной нормой, так с каждых 500 душ в рекруты забирались восемь человек, всего же в 1813 году было собрано около 200 000 рекрутов [115, с.217]. В приходно-расходной книге 1813 года рекрутские расходы зафиксированы только в сентябре и декабре, при чем запись от 30 декабря фиксирует расходы не 1813, а 1812 года. В книге записано, что расходы в декабре были осуществлены для отправки рекрутов в 83-й набор, второй набор, приходящийся на Отечественную войну.

Обычно, на осуществление самого набора рекрутов отводилось два месяца, соответственно совпадающие с этим временем расходы, означают, что на основании одного из названных высочайших повелений выбирались в рекруты и мужчины села Гривы. Однако, мы не можем сказать, за какой срок был осуществлен набор в данном владении Голицыных, так как расходы на него зафиксированы годом позже. Эту особенность можно отнести к специфике периода, а именно времени Отечественной войны. Объяснение того, что расход на отправку рекрутов зафиксирован в счетах 1813 года, тогда как рекрутский набор должен был быть осуществлен до ноября 1812 года, заключается в следующем. В большинстве имений князей Голицыных по Гребневской вотчине набор в ополчение происходил ровно и спокойно. Однако Петр Ключников, приказчик села Гривы Смоленской губернии, пишет в донесении князю Александру Михайловичу Голицыну, что крестьяне выходят из повиновения, думают о вольности и отказываются подчиняться [116].

В 1813 году рекрутский расход был только один – «в Москву за провозом рекрутов», в размере 105 рублей. Вероятнее всего, отсутствие, как за 1812 год, записей о покупке обмундирования рекрутам, о расходах на их провиант говорит о том, что эти средства в отличие от предыдущего года собирались уже крестьянской общиной. Помещик потратил на рекрутский набор 1813 года только 105 рублей. Данный расход приходится на 1 сентября 1813 года, тогда как манифест о наборе рекрутов в 85-й набор по восемь человек с 500 душ был издан 21 августа того же года [118, с. 611, з.25.438]. Это означает, что в имении выбор рекрутов и их подготовка к отправлению в армию была осуществлена чуть больше, чем за неделю.

Таким образом, рекрутские деньги представляют собой важную статью расходов в приходно-расходной книге, так как содержат в себе гораздо больше информации по социальной истории, нежели любой другой вид расходов. По ним, как показано выше, можно установить, выполнялись ли требования по набору рекрутов, за какой срок осуществлялся набор, как происходил этот процесс, что покупалось для рекрутов, кем, куда и как они доставлялись и так далее.

Вновь обращаясь к рисунку 8, можно увидеть, что еще одной большой статьей расхода в 1813 году стали дорожные траты, общая сумма которых составила 484 рубля. Всего в приходно-расходной книге князя Александра Михайловича по усадьбе Гривы 1813 года сделана 21 запись дорожных расходов. Стоит пояснить, что подразумевает под собой данный тип расхода. В них входили деньги, потраченные «на харчъ», то есть на пропитание во время проезда, в том числе деньги за квартиру, если путешествие было долгим или требовало остановки в пункте назначения на некоторое время, например восемь или десять суток [119]. Также предметом дорожных расходов были траты на содержание лошадей, а именно на покупку для них овса и сена. Важно отметить, что дорожные расходы фиксировали не только то, как передвигался сам князь, но и средства, выделенные на проезд, питание, корм лошадям, проживание приказчиков и старост, которые ездили в Московскую домовую контору или же в Смоленск, в губернское управление. На рисунке 9 видно распределение дорожных расходов 1813 года по месяцам. Эта диаграмма позволяет выяснить, действительно ли сезонность влияла на передвижения в каретах и на лошадях, существует ли какая-либо корреляция между месячными расходами на дорожные и другими видами трат. Для этого необходимо ввести термин «распутицы», то есть определенного времени в году, когда дороги становятся труднопроходимыми. Так как усадьба Гривы, расходы которой рассматриваются в данной работе, находилась в Смоленской губернии, Сычѳвском уезде, селе Гривы, то понятие распутицы стоит оценивать для средней полосы России. Таким образом, осенняя распутица, возникавшая в результате длительных дождей, приходилась на время с октября по ноябрь, а весенняя, причиной которой было таяние снега, - с марта по апрель.

Рассчитано по: НИОР РГБ. Ф.64. К. 43. Ед. хр. 2. Подсчет наш.

Рисунок 9 - Дорожные расходы в 1813 году

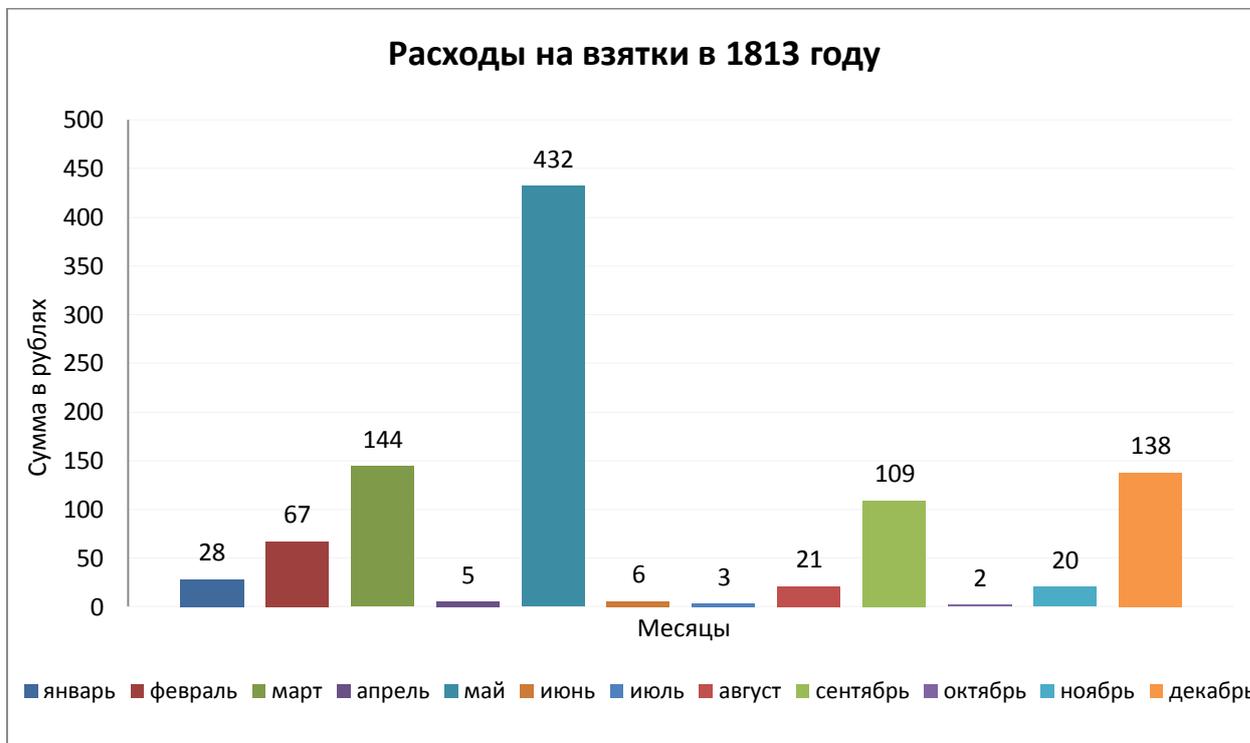
Именно зимой дорожные расходы были наиболее велики: только в феврале 35 рублей было уплачено крестьянину Григорию Минаеву за то, что тот отвез в Москву на своих лошадях Федора Малотникова (не указано, кто он). В декабре же 1813 года на дорожные расходы было употреблено 187 рублей, которые распределялись следующим образом: большую часть данной суммы составляли траты на проезд старосты в Смоленск и обратно, а также приказчика в Москву, их проживание и питание во время этого проезда. Интересно, что на отправку в декабре одиннадцати оставшихся рекрутов, то есть на их провоз, разъезд, а также на корм лошадей было потрачено всего 11 рублей. В приходно-расходной книге полностью отсутствуют записи за март, на который как раз приходится распутица, однако в апреле дорожные расходы довольно велики – 76 рублей. Деньги были потрачены на проезд по селам, различные перевозки, а также на пропитание в течение одиннадцати дней с 27 марта по 7 апреля, вероятно, что такая большая сумма дорожных трат в апреле является исключением данного года, погода которого уже в этом месяце способствовала длительным разъездам на лошадях. Более того, стоит отметить, что в месяцы, когда дороги находились в лучшем состоянии, а именно летом и в начале осени

транспортные расходы не всегда были велики: в июне 5 рублей было дано Петру Ключникову на харчевые на время его проезда до Москвы, в августе вообще не совершалось никаких поездок, однако в июле и сентябре дорожные траты составляли весомую часть месячных расходов. Это может быть связано с высокой занятостью приказчика во время проведения основных сельско-хозяйственных работ, требующих его личного присутствия и контроля. Приказчик имения Гривы, Петр Ключников, ездил к князю в Москву не только в июне, но и в следующем месяце, однако в этот раз он добирался не сам, а был отвезен туда крестьянином, которому и было заплачено за это 80 рублей. Такая же сумма была потрачена в сентябре на проезд в Смоленск.

Если сравнить расходы на взятки и дорожные в сентябре, когда в 80 рублей обошелся проезд до Смоленска, то можно установить, что в этом же месяце была дана взятка в размере 100 рублей секретарю смоленского губернского прокурора по делу солдатских детей. Таким образом, данные два типа расходов – на взятки и на дорогу можно сопоставлять для выявления корреляции одной статьи расхода от другой. Из таблицы и записей приходно-расходной книги можно сделать вывод о том, что дорожке всего обходились длительные поездки приказчика имения, которому было необходимо отчитываться перед владельцем имения о ходе хозяйственных дел. Они совершались как в Смоленск, а также в Москву в Московскую домовую контору. Чуть менее дорогими были траты на пропитание во время поездок, а наименее затратными являлись расходы на корм лошадей.

Следующим важным типом расхода, которому необходимо уделить особое внимание, являются взятки. На основании данных рисунка 10 можно установить, что расходы на «взятки» являлись третьей по величине статьей расходов за весь 1813 год, составив 977 рублей. Анализ данного вида расходов может проходить сразу в нескольких направлениях: во-первых, за счет того, что эти траты присутствовали каждый месяц, можно выявлять связь с другими видами расходов, во-вторых, вновь опираясь на постоянство данных трат возможно сделать выводы об их разнообразии, а именно детализировать взятки на подтипы и типы. На рисунке 10 приведена классификация расходов на взятки по каждому месяцу 1813 года. Также необходимо отметить, по какому принципу определенные записи в приходно-расходной книге идентифицировались как взятки. Зачастую запись расхода о взятке содержит названия различных должностей и чинов «земский чиновник, смотритель, староста,

земский исправник, стряпчий, подполковник, приказные, офицер, секретарь». Более того, данный вид расхода можно определить и по другим выражениям: для приезжающих, для присутствующих, на угощения, подарено.

Рассчитано по: НИОР РГБ. Ф.64. К. 43. Ед. хр. 2. Подсчет наш.

Рисунок 10 - Расходы на взятки в 1813 году

На основании анализа такого типа расходов как взятки можно сделать ряд выводов. Во-первых, в отличие от некоторых типов расходов, траты на взятки были регулярными, записи о них присутствуют в приходно-расходной книге каждый месяц. Это говорит о глубоко пронизавшем все структуры социальной жизни коррупционном порядке, требовавшем как небольших, минимальная сумма, идентифицируемая как взятка, 10 копеек, так и крупных вложений, максимальная взятка составила 400 рублей. Во-вторых, взятки не всегда давались именно в денежной форме, зачастую подаренные, отданные или специально приготовленные продукты также были взятками. В-третьих, взятки давались различным служащим земской, губернской администрации, военным служащим, чиновникам.

Взятничество было крайне распространенным явлением, поэтому данные из приходно-расходной книги Александра Михайловича Голицына являются подтверждением этого явления, а не исключением из правил. Сложившийся

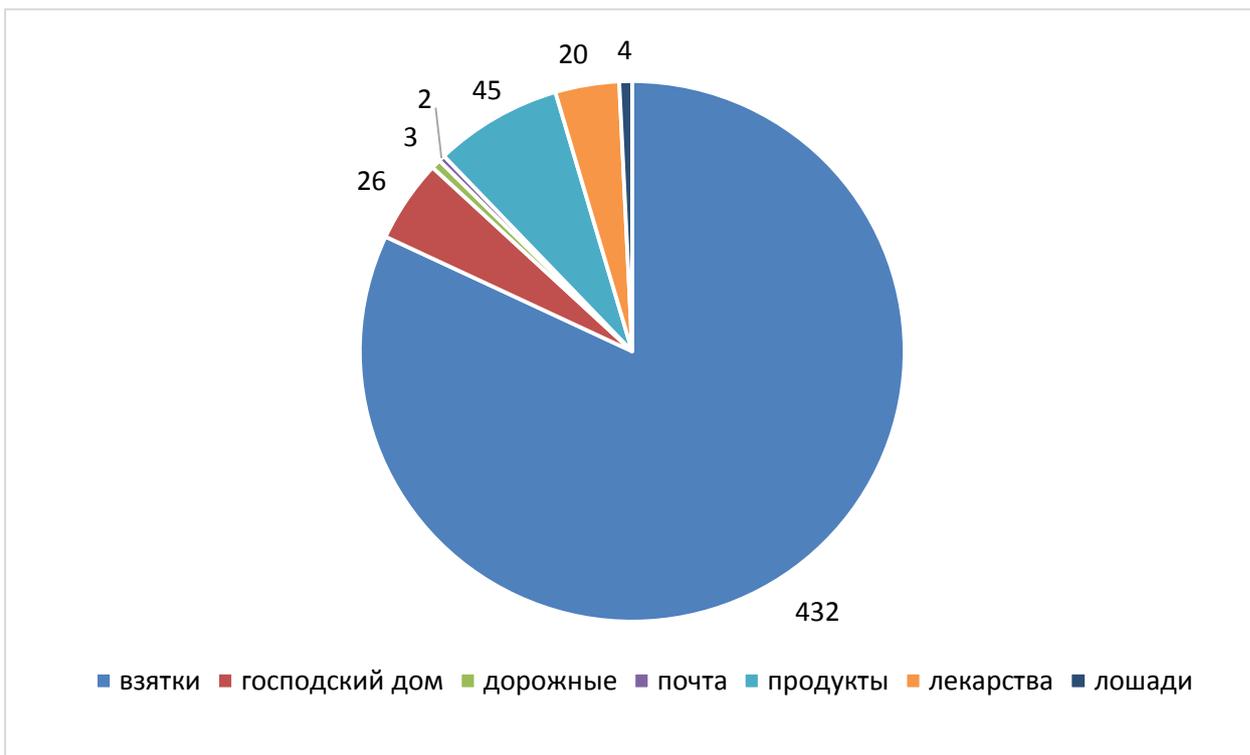
подобным образом порядок государственного и административного ведения дел имел ряд причин, которые необходимо перечислить, чтобы показать, что «взятка» была устоявшимся порядком русской жизни, что и отражено в приходно-расходной книге имения Голицыных в Сычевском уезде селе Гривы. Лояльное отношение общества к взяткам формировалось в России в течение столетий, изначально из-за традиции кормлений, затем из-за низкооплачиваемого труда чиновников, толкавшего их к нарушению закона и пренебрежению правовыми нормами. Не менее ответственны за это и знатные богатые люди, предпочитавшие решать собственные дела, следуя незаконному способу.

В данной работе проведенный выше анализ строился на основании историко-типологического метода, так как анализ приходно-расходных книг заключался в выявлении отдельных особенно значимых видов расходов, затем в их детальном разборе с учетом хронологической последовательности. Данный метод позволил подробно рассмотреть отдельные виды трат, выявить их специфику, особенности. Однако, для наиболее полного анализа приходно-расходной книги 1813 года также необходимо изучить расходы, основываясь на принципе периодизации, а именно выделения отдельных месяцев, когда траты были выше среднемесячного значения. Это позволит выяснить, существовала ли какая-либо зависимость между определенными типами расходов, если да, то между какими, так как это показывает особенности системы повседневного потребления. На основании рисунка 11 видно, что в марте, мае, сентябре, ноябре и декабре расходы были наиболее высокими. Однако ноябрь можно исключить, так как большая часть расхода в данный месяц, а именно 7000 рублей были отправлены князю Сергею Михайловичу на личные расходы.

Другим важным типом расхода в этом месяце было жалование. В сумме жалование приказчику имения Гривы, Петру Ключникову, составило 60 рублей. Сам же платеж в марте был разбит на две части: 9 марта ему было выплачено 10 рублей, 20 марта – 50 рублей. Более того, стоит отметить, что данный вид платежа присутствует не в каждом месяце приходно-расходной книги, так в 1813 году он зафиксирован только три раза: в феврале, марте и октябре. Всего за 1813 год приказчик Петр Ключников в качестве жалования получил 220 рублей, основная часть которых, 150 рублей была выплачена в октябре. Данная система оплаты труда являлась общепринятой, так как в 18 и большей части 19 века чиновникам

жалование выплачивалось по третям. Жалование же 220 рублей в год являлось небольшим, так как 240 рублей за год составляло жалование частного поверенного. Приказчик железнодорожной станции получал на 86 рублей в год больше, чем приказчик села Гривы. Также примерно 300 рублей составляло жалование приказчика сахарного завода [74, с.548].

Небольшой суммой размером в 22 рубля в марте был расход на продукты, однако он наиболее интересен среди трат на продукты в другие месяцы за счет того, что продукты покупались как в Сыропустную неделю, так и перед подготовкой к ней. Неделя воспоминания Адамова изгнания, сыропустная неделя и сырная седмица обозначают одно и то же явление – это последняя перед Великим постом подготовительная неделя, во время которой запрещено употреблять в пищу мясо, но разрешено есть рыбу. В это время в списке покупаемых продуктов, согласно приходно-расходной книге, нет мяса, но есть несколько записей о покупке рыбы: «за взятую рыбу 10 фунтов», «за взятую к сырной неделе рыбу», «куплено лещей», «за взятую рыбу сомину», в сумме расходы на рыбу составили 13 рублей, чуть больше половины трат на все продукты. Таким образом, данные записи показывают, что информацию для анализа приходно-расходной книги стоит выбирать детально, рассматривая каждую запись, так как их значимость для анализа зависит не от количественного критерия величины суммы расхода, а от качественного, то есть содержания самой записи.

Рассчитано по: НИОР РГБ. Ф.64. К. 43. Ед. хр. 2. Подсчет наш.

Рисунок 11 - Расходы в мае 1813 года

Вторая, хоть и гораздо меньшая, по величине трата пришлась в мае на тип расхода продукты. Данный вид расхода встречается в приходно-расходной книге 1813 года не каждый месяц, а его среднемесячное значение составляет 16 рублей, поэтому расход на продукты в мае действительно примечателен. Были куплены соль, хмель для варения пива, рыба, картофель, а также семена редьки и свеклы для сеяния в огороде, однако в сумме все эти покупки обошлись всего в 4 рубля. 36 рублей составляет большая часть денег на покупку продуктов в мае, и она была потрачена на покупку ячменя для посева на господской пашне. Также 5 рублей стоили саженцы картофеля и лука, предназначавшиеся для сеяния в огороде. Только в мае встречаются записи, говорящие о покупке различных семян для посева, что означает, что сельскохозяйственный сезон обработки земли начинался в том году довольно поздно, к началу июня. В целом же для средней полосы России сроки высадки семян, саженцев и рассады приходится на начало мая [125].

Таким образом, можно сделать вывод, что Голицыны стремились к развитию собственного хозяйства, были сторонниками внедрения новшеств. Но также рассмотренный выше счет подтверждает то, что представители данного рода

тщательно контролировали свои финансы, наказывали приказчикам своих имений составлять подробные отчеты о потраченных средствах. Так, в счете на семена в суммой в 32,10 рубля детально расписаны не только виды семян, но и их количество, цена за единицу и стоимость за каждый вид семян.

Рисунок 12 показывает распределение типов расходов в сентябре 1813 года. Примечательно, что в этом месяце три типа расходов составляют примерно равные доли: расходы на рекрутов, взятки и дорожные траты. На основании записей в приходно-расходной книге можно сделать вывод, что дорожные траты и взятки в сентябре являлись взаимосвязанными расходами. 95 % дорожных расходов пришлось на проезд в Смоленск, то есть на содержание двух лошадей, питание в течение 15 дней, а также обратный путь. В свою очередь, 90 % денег, потраченных в этом же месяце на взятки, составила сумма, данная секретарю смоленского губернского прокурора за дело о солдатских детях. Очевидно, что дорога до Смоленска была совершена, чтобы дать взятку чиновнику этого же города, поэтому прослеживается прямая зависимость между тратами на дорогу и взятки. Расходы же на рекрутов составляют отдельный независимый платеж.

Рассчитано по: НИОР РГБ. Ф.64. К. 43. Ед. хр. 2. Подсчет наш.

Рисунок 12 - Расходы в сентябре 1813 года

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование позволило получить следующие выводы и обобщения о системе расходов элиты российского дворянства в период «вестернизации» (XVIII-XIX вв.):

Источники позволяют нам говорить именно о системе расходов, это не только наша аналитическая категория. В имеющихся документах представители дворянской элиты не только вели записи своих ежедневных трат, но и в конце года подводили итог своим записям группируя их по наиболее часто встречающимся категориям.

Система расходов формировалась под влиянием внешних и внутренних факторов.

Определяющее влияние на потребительское поведение, бытовые стандарты и структуру расходов элиты имел двор. Задаваемые им образцы экономического поведения дворянской элиты формировали основы демонстративного потребления (*conspicuous consumption*, в терминологии Т. Веблена). На протяжении XVIII в. Роль двора изменялась. Если в первой половине века он был основным транслятором европейских потребительских стратегий. То, начиная со второй половины века он утрачивает свою роль в выработке стандартов потребления. Причиной подобных изменений становится большая свобода дворянской элиты в поездках за рубеж. Практика *Grand Tour* для юных отпрысков благородных семейств становится распространенной практикой. При этом поездки, которые, как правило, сопровождалась наймом учителей для повышения уровня образования дворянской молодежи, были, безусловно, дорогим удовольствием. Мы неоднократно встречаем в документах указание, а подчас и требование отцов семейств к их детям, находящимся в Европе, не только записывать свои финансовые траты, и предоставлять отчеты.

Хотя, нужно принимать во внимание, что этот процесс носил нелинейный характер, и смена одних моделей поведения относительно других шла неравномерно у разных слоев населения. Так, двор был, безусловно, образцом, для дворянской элиты, чье экономическое поведение в свою очередь выступало в качестве идеальной модели для провинциального дворянства.

Важнейшим внутренним фактором, определявшим структуру расходов, стала рационализация экономического поведения. Рационализация – это комплексное

понятие. Во-первых, под рационализацией мы понимаем попытку учета собственных финансов. На протяжении 18 века во всей Европе и России, в том числе, идет утверждение мысли о том, что знание о явлении во многом равно учету основных количественных характеристик. Во-вторых, рационализация это переход от осмысления финансового материала в нарративной, описательной форме к табличной, это можно рассматривать как постепенный переход к современному мышлению, поскольку помогает проще соотносить расходы и доходы, видеть остатки по движению средств на счетах. В-третьих, рационализация – это адекватная реакция на заметно меняющиеся экономические условия. Одной из важных задач является описание исторического контекста, в котором менялось экономическое поведение дворянской элиты. Собственно эти экономические изменения и выступили в качестве драйвера поведенческих трансформаций. Во второй половине 18 века, в России расширяется сеть кредитных учреждений, возможно займов за границей привели к тому, что в России появились дешевые деньги, введение бумажных денег и широкое распространение векселей привело к облегчению любых финансовых транзакций.

Попытки соотнесения расходов и доходов стали важным этапом трансформации системы ментального учета (Р.Талер) элиты российского дворянства. Несмотря на то, что демонстративные траты, в первую очередь, на предметы роскоши продолжали преобладать над инвестированием в развитие собственных имений, сами практики бюджетирования и сальдирования через ведения прихода-расходных книг отражают попытки расходовать собственные деньги в соответствии с рациональными («вестернизированными») образцами. Эти образцы распространялись через журналы Вольного экономического общества, переписку, газеты.

Другим следствием этой рефлексии было изменение представлений и поведенческих практик в отношении таких финансовых категорий как «деньги», «кредит», «долг» и т. д. Очень важно, что постепенно происходит расхождение в режимах владения вещью, по замечанию Бодлиера, «first paying than buying». Это приводило к необходимости более тщательного учета финансовых операций. Но несмотря на всю рационализацию, а точнее движение к рациональному поведению, специфика российских условий приводила к своим перегибам. Например, взятие кредита вызывалось не потребностями в деньгах на конкретную вещь, а

возможностями эти деньги достать. Российская империя на протяжении всего имперского периода жила в условиях острой нехватки наличности. Информация о том, что деньги появлялись (физически) в местном кредитном учреждении через социальные связи, распространялась, и кредиты брали про запас, не считаясь с тем, что пользование деньгами стоило денег.

Отдельного осмысления требует ситуация многовалютности в России. Во второй половине 18 века в России ходили русские деньги в трех видах: медные, серебряные и бумажные. Для каждого из видов денег устанавливался свой курс, что отражалось и приходо-расходных книгах через указание на лажи при обмене, через ведение бухгалтерии в нескольких колонках с итоговым подведением результатов в самом конце для каждой из валют.

Система расходов и доходов дворянства так же может быть представлена в виде двух макрокомпонентов: роскошь VS не роскошь.

Анализ законов позволил определить круг «вещей», попадавших в категорию роскошь. Отдельно заметим, что само понятие роскошь очень поздно появляется в законах, только к концу 18 века, первоначально речь шла об излишествах. Таким образом, сначала было выделено явление «излишество», «неумеренное потребление благ», а только потом законодатель наглухо связал это явление с понятием «роскошь» тем самым наделив последнее отрицательным смыслом, расценив, что роскошь нужно смирять законодательно. Применение на практике законов стоит признать неэффективным, как собственно по замечанию Ю. Лотмана, законодатель опять вел свой внутренний монолог. Но анализ законов показал, что роскошью считались дорогие одежды, в особенности кружева, которые не были носкими, экипажи, сверх богатое одеяние слуг, то есть то, что подвергается тлению. Так, о строительстве домов не было ограничений, что показательно. Строительство «на века» и «для потомков» было важным и нужным делом. Таким образом, то, что не вечное и дорогое – это роскошь, а долговременное и дорогое уже роскошью не являлось, по крайней мере, с точки зрения закона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 НИОР РГБ. Ф. 19. 1. Д. 156. Л. 72.
- 2 РГАДА. Ф. 1261. Оп. 2 д. 1, д. 36 (1752), Д. 2 (1753, 1754).
- 3 РГАДА. Ф. 1261. Оп. 2. Д. 179 (1776 г.), Д. 182 (1779 г.), Д. 189 (1781 г.), Д. 199 (1782 г.), Д. 340 (1790, 1793, 1804)
- 4 НИОР РГБ. Ф. 41. Булгаковы. Картон 19. Ед. хр. 5. (1790 – 1808); Картон 155. Ед. хр. 31, Картон 156 ед. хр. 15, 17, 22, 19, 23
- 5 РГАДА. Ф. 1261. Оп. 2 д. 1, д. 36
- 6 Ф. 1261. Оп. 2. Д. 165
- 7 НИОР РГБ. 41 / 158 / 28 , 1796
- 8 РГАДА. Ф. 1261. Оп. 2. Д. 165
- 9 М.А. Приходько, В.А. Удовик Александр Романович Воронцов // https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=14&ved=0CGsQFjAN&url=http%3A%2F%2Fwww.russianoxford.ru%2Fuploads%2Fpages%2Fhistoryrol_en%2FVorontsov.doc&ei=XT2kUuTMH8KI4ASAm4DwDA&usq=AFQjCNEkwJySleMQ8x8-7rDleBEYnlj2qg&sig2=J7RqWQUjyoe1dBPYLBjTqA&bvm=bv.57752919,d.bGE&cad=rjt
- 10 Заозерский А.И. Александр Романович Воронцов// Исторические записки . т. 23. 1947 г. С. 136
- 11 Памятники московской деловой письменности, М. 1981 С. 23
- 12 Памятники московской деловой письменности, М. 1981 с. 31 письмо от 27 июня 1771
- 13 Ф. 1261. оп. 2 д. 1 и д. 36
- 14 ф. 1261. Оп. 2. Д. 417
- 15 НИОР РГБ. Ф. 41. Булгаковы. Картон 158 Д. 28 л. 6 – 60б
- 16 Агеева Е.А. Парадигмы роскоши в российском обществе: теоретический аспект и исторический экскурс // Человеческий капитал. 2016. 8 (92). С. 34-42.
- 17 Зинчак Е.В. Роскошь как объект исследования: разработка определения // Экономический анализ, 2013. 12.
- 18 Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 3. – СПб, 1996. С. 504.
- 19 Н. Селунская Светлое Средневековье: законы против роскоши//<http://gefter.ru/archive/19875>
- 20 Ливен Д. Аристократия в Европе 1815 – 1914 г. СПб., 2000. С. 56
- 21 де Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 757.
- 22 Arcadius Kahan, The Costs of "Westernization" in Russia: The Gentry and the Economy in the Eighteenth Century // *Slavic Review*, Vol. 25, No. 1. (Mar., 1966), pp. 40-66.
- 23 Richard H. Thaler. Mental Accounting and Consumer Choice // *Marketing Science* Vol. 27, No. 1, January–February 2008, pp. 15–25;
- 24 Капелюшников Р. Поведенческая экономика и новый патернализм <http://polit.ru/article/2013/11/12/paternalism/>
- 25 Зализер. Социальное значение денег
- 26 Кошелева О.Е. Бояре и их деньги // PALEOBUREAUCRATICA: сборник статей к 90-летию Н.Ф. Демидовой. М., 2012
- 27 Щепетов К.Н. Помещичье предпринимательство в XVII в. (По материалам хозяйства князей Черкасских). // Русское государство в XVII веке. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. Сборник статей. М., 1961. С. 28.
- 28 Миронов Б.Н. Революция хлебных цен. // История СССР, 1991. 1. С. 95
- 29 Kaiser D.H. "Forgive us Our Debts": Debts and Debtors in Early Modern Russia // *Forschungen zur osteuropaischen Geschichte*. Berlin, 1995. С. 173.
- 30 Норберт Элиас. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб, 2001.
- 31 McKendrick, Brewer, and Plumb, eds., *The Birth of a Consumer Society*

- 32 John Brewer and Roy Porter, eds., *Consumption and the World of Goods* (London; New York: Routledge, 1993).
- 33 Jan de Vries, *The Industrious Revolution: Consumer Behavior and the Household Economy, 1650 to the Present* (Cambridge: Cambridge University Press, 2008).
- 34 Maxine Berg and Elizabeth Eger, eds., *Luxury in the Eighteenth Century: Debates, Desires, and Delectable Goods* (Basingstoke, Hampshire; New York: Palgrave, 2003).
- 35 Linda Levy Peck, *Consuming Splendor: Society and Culture in Seventeenth Century England* (Cambridge: Cambridge University Press, 2005).
- 36 Evelyn Welch, *Shopping in the Renaissance: Consumer Cultures in Italy 1400–1600* (New Haven, CT: Yale University Press, 2005).
- 37 Daniel Roche, *Histoire des choses banales: naissance de la consommation dans les sociétés traditionnelles (XVIIe–XIXe siècle)* (Paris: Fayard, 1997)
- 38 Daniel Roche, *La culture des apparences: une histoire du vêtement (XVIIe–XVIIIe siècle)* (Paris: Fayard, 1989).
- 39 Anne E. C. McCants, “Porcelain for the Poor: the Material Culture of Tea and Coffee in Eighteenth Century Amsterdam”, in Paula Findlen, ed., *Early Modern Things* (New York: Routledge, 2012)
- 40 Thorstein Veblen, *The Leisure Class: An Economic Study in the Evolution of Institutions* (New York; London: Macmillan, 1899).
- 41 John Maynard Keynes, *The General Theory of Employment, Interest, and Money* (London: Macmillan, 1936).
- 42 Baudrillard, *Système des Objets*, 100.
- 43 Mary Douglas and Baron Isherwood, *The World of Goods: Towards an Anthropology of Consumption* (New York: W.W. Norton, 1979), 59–60.
- 44 James Clifford, *The Predicament of Culture: Twentieth Century Ethnography, Literature, and Art* (London: Yale University Press, 1988), 8.
- 45 Clifford Geertz, *The Interpretation of Cultures: Selected Essays* (New York: Basic Books, 1973), 89.
- 46 Clifford Geertz, “Ethos, World-View and the Analysis of Sacred Symbols”, *Antioch Review* (Winter 1957–1958), 436.
- 47 Jürgen Habermas, *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*, trans. Thomas Burger (Cambridge, MA: MIT Press, 1989), 41.
- 48 De Vries, *The Industrious Revolution*.
- 49 Douglas and Isherwood, *The World of Goods*, 49. As quoted in De Vries, *The Industrious Revolution*, 33.
- 50 Pierre Bourdieu, *Reproduction in Culture, Education, Society* (Beverly Hills, CA: Sage, 1977).
- 51 Bourdieu, *Distinction*, 6.
- 52 C. A. Bayly, “‘Archaic’ and ‘Modern’ Globalization in the Eurasian and African Arena, ca. 1750–1850”, in A. G. Hopkins, ed. *Globalization in World History* (New York, NY: W. W. Norton & Company, 2002), 45–72, 50.
- 53 Elmarsi R. and Navathe S. *Fundamentals of database systems*. 2002. Addison Wesley & Benjamin Cummings.
- 54 М.Галлер Клео 4. Система управления банком данных. М., 1995.;
- 55 Тяжелникова В., Леверманн В. Источнико-ориентированная обработка данных. KLEO руководство пользователя. М., 1995.
- 56 Питер Пин-Шэн Чен. Модель "сущность-связь" - шаг к единому представлению данных.// "СУБД" N 3, 1995 г.
- 57 Зеленков Ю.А Введение в базы данных. http://alpha.netis.ru/win/db/ch_2_2.html
- 58 Гарсия-Молина, Ульман, Уидом. Системы баз данных. М., 2003. С.52.
- 59 Ш.Шекхар, С. Чаула Основы пространственных баз данных. М, 2004. С.57.
- 60 К. Н.Праг, У. С.Амо, Дж.Д. Фокселл Секреты Access for Windows 95. Киев. 1996.

- 61 С. Д. Кузнецов. Концептуальное проектирование реляционных баз данных с использованием языка UML// СУБД №7, 2003
- 62 Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб, 1874 С. 258
- 63 РГАДА. Ф. 1261. Оп. 2. Д. 1
- 64 РГАДА. Ф. 1272 Нарышкины оп. 1. Д. 94 1775 вторая треть по дому разного расхода
- 65 НИОР РГБ. Ф. 41. Картон. 156. Ед.хр. 23
- 66 Агеева Е.А. Парадигмы роскоши в российском обществе: теоретический аспект и исторический экскурс // Человеческий капитал. 2016. 8 (92). С. 34-42.
- 67 Зинчак Е.В. Роскошь как объект исследования: разработка определения // Экономический анализ, 2013. 12.
- 68 Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 3. – СПб, 1996. С. 504
- 69 Н. Селунская Светлое Средневековье: законы против роскоши//<http://gefter.ru/archive/19875>
- 70 Гуковский Г. Очерки русской литературы XVIII в. Л., 1938. С. 72
- 71 Мельникова А.С., Уздеников В.В., Шканова И.С. Деньги в России. История русского денежного хозяйства с древнейших времен до 1917 г.М., 2000. С.153;
- 72 Юхт А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994.
- 73 503 списки вещей умершего Воронцова 1805 Л. 8.
- 74 Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи: XVIII - начало XX в. / В 2 т. Т. 1. – СПб.: Изд-во “Дмитрий Буланин”, 2003. – С. 101.
- 75 О закладных листах акционерных земельных банков// Финансовое обозрение. 1874. - №16. – С. 307.
- 76 Мещерский В.П. Мои Воспоминания. В 2 т. Т.1. 1850-1865. – СПб.: 1897. – С 433.
- 77 Верховской В.М., Исторический очерк развития железных дорог в России с их основания по 1897 г. включительно : Вып. 1 - 2. - СПб. : Тип. М-ва Путей Сообщения, 1898-1899.Т.1 с.25-26
- 78 Чернышевский Н.Г. Сочинения. Т. 5. 1858. – С. 112
- 79 Кислинский Н.А., Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров : исторический очерк, составленный начальником отделения канцелярии Комитета министров Н. А. Кислинским, под главною редакциею статс-секретаря Куломзина. - Санкт-Петербург : Канцелярия Ком. министров, Т.1. , 1902. С. 44-45.
- 80 Ледяева С.Д. История железнодорожной лексики в русском языке XIX века. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1973. С. 13
- 81 Сын отечества. 1839, Т.9,С.142.
- 82 Степанов В.Л. Михаил Христофорович Рейтерн// Отечественная история. 1994.№6. С.36-37
- 83 РГИА, Ф.219. Оп. 1. Кн.1. Д.340, Л. 48.
- 84 ГАТО, Ф. 161. Оп. 1. Д. 7267, Л. 5
- 85 Терпигорев С.Н.. Собрание сочинений С.Н. Терпигорева : (С. Атавы) / Ред. С.Н. Шубинского; С биогр. очерком, сост. П.В. Быковым и портр. С.Н. Терпигорева. Т. 1-6. - Санкт-Петербург : А.Ф. Маркс.1882-Т.1, С.124
- 86 ГАВО. Ф. И20. Оп. 1 Д.18, Л. 91
- 87 Кислинский Н.А., Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров : исторический очерк, составленный начальником отделения канцелярии Комитета министров Н. А. Кислинским, под главною редакциею статс-секретаря Куломзина. - Санкт-Петербург : Канцелярия Ком. министров,Т.1-4, 1902.
- 88 Шперлинг В. Строить железную дорогу, создавать имперское пространство: "местность", "край", "Россия", "империя" как политические аргументы в пореформенной России./ Вальтер Шперлинг // [Аб империю] Ab Imperio: Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. – 01/06/2006. – N. 2 /2006. – С. 101 - 134.

- 89 Вестник Европы, декабрь 1866, Том 4
- 90 ГАТО. Ф. 4. Оп.1. Д. 4190. Л. 3 - 3об
- 91 Виргинский В. С., Возникновение железных дорог в России до начала 40-х годов XIX века, М., 1949 С. 128-129
- 92 Акользина М.К. Влияние железнодорожного фактора на развитие уездных городов Тамбовской губернии в XIX в.// В сб. Железные дороги и процесс социальной модернизации России XIX-начала XX в.: Сб. мат-лов международной конференции/ Пред. Ред. сов. И.М.Пушкарева. Тамбов 2009. , С. 149.
- 93 РГИА. Ф. 207. Л. 52-59.// Цит по: Виргинский В.С. Возникновение...
- 94 Сушков Н. Воспоминание о Толе. "Чтения в Обществе истории и древностей Российских. М., 1865, кн. 4, С. 212.
- 95 Боричевский И.П. Предложения частных лиц об устройстве железных дорог, поступившие в Главное Управление путей сообщения и публичных зданий до 1860 года// Журнал Главного Управления путей сообщения и публичных зданий. 1863. Т. 39, кн. 1-2; Т. 40, кн. 3. С.262)
- 96 Минх А. Н. Дубовско-Качалинская железная дорога // Историко-географический словарь Саратовской губернии. — Саратов: Типография губернского земства, 1898. — Т. 1, выпуск 2. — С. 276-277.; Шилин Н. К. Депо: История локомотивного депо станции имени Максима Горького Волгоградского отделения Приволжской железной дороги. — Волгоград: ГУ «Издатель», 2001. — 592 с.
- 97 Арсеньев, Константин Иванович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907. т. II, с. 174—175
- 98 Коллектив авторов СПбГУ под ред. акад.Фурсенко. Управленческая элита Российской Империи (1802-1917). — С-Петербург.: Лики России, 2008. — С. 369.
- 99 Краткий очерк развития сети Общества Московско-Казанской железной дороги. М., 1913. С. 11-12
- 100 Головачев А. А. История железнодорожного дела в России., СПб, 1891. С. 37
- 101 Слепнев И.Н. Предпринимательство в сфере железнодорожного транспорта в XIX веке // История предпринимательства в России. Кн. вторая. М., 2000. С. 133-134
- 102 Соловьёва А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX века. М. 1975.
- 103 «Список личного состава центральных управлений частных железных дорог». Издание Канцелярии Министра Путей Сообщения. С. – Петербург, 1894.
- 104 ОР РГБ . Ф, 19. / 1 . д. 156
- 105 Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. Том 6. №3. Май 2005. С. 65.
- 106 Бурдьё П. Практический смысл. СПб, 2001. 234
- 107 В.В. Морозан. История банковского дела в России СПб, 2004. С. 108
- 108 Боровой С.Я. Кредитная политика и банки России в 18 веке. (из лекций по истории народного хозяйства) . Одесса, 1957. С. 13
- 109 Коган Э.С. Волнения крестьян Пензенской вотчины А.Б. Куракина во время движения Пугачева. // Исторические записки, 37, М., 1951 год. С. 106
- 110 И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Изд. 3. М., 1925. С. 134 - 135.
- 111 Тихонов Ю.А. Дворянская усадьба и крестьянский двор в России 17 – 18 вв. М., 2005. С.73.
- 112 РГАДА. Ф. 1263. Оп. 3. Ед. хр. 286.
- 113 Щукин П.И. Бумаги, относящиеся до Отечественной войне 1812 года. С. 22.
- 114 Сто лет Голицынской больницы в Москве, 1802 - 1902 . М., : Изд. князя С. М. Голицына, 1902. – 249 с. С. 7.
- 115 Целорунго Д.Г. Социальный и антропологический облик рекрутов российской армии эпохи Отечественной войны 1812 года // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2009. С.216

- 116 Кабанов А.К. Ополчения 1812 года./ Отечественная война и русское общество. Т.V. М., 1912.С.51
- 117 Желтобородов А.Н. Рекрутские наборы в Слободско-Украинской губернии в 1812 году. С.13.
- 118 Полное собрание законов Российской Империи. Т. 32, с. 665, гл.2, п.10.
- 119 НИОР РГБ. Ф. 64. К. 43. Ед. хр.2.
- 120 Справочный коммерческий словарь. — М.: Издание Центросоюза. Под редакцией проф. Н.Г. Филимонова. 1926.
- 121 Листки из записной книжки художника В.В.Верещагина. М.: Типо-лит. Т-ва И.Н.Кушнерева и Ко, 1898. 150 с.
- 122 Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812—1815 гг. // Российский архив : Сб. — М., студия «ТРИТЭ» Н. Михалкова, 1996. — Т. VII. — С. 407—408.
- 123 Писарькова Л.Ф. К истории взяток в России (По материалам «секретной канцелярии» кн.Голицыных первой половины 19 в.) // Отечественная история. 2002. № 5.
- 124 ОПИ ГИМ. Ф. 14. Д. 540. Л. 1, 10, 30, 133
- 125 Эдельштейн В.И. Новое в огородничестве, М.– Л., 1931.
- 126 История. Самыгин П.С., Беликов К.С., Бережной С.Е. и др. 7-е изд. - Ростов н/Д: 2007. — 480 с.
- 127 Шукин П.И. Бумаги, относящиеся до Отечественной войне 1812 года. С. 24.
- 128 Пырской Иван Прохорович, д.с.с. по всей видимости мог сделать перевод до 1780 года. 1766 – 1770 при переводе Лифляндских прав // Мурзанов Н.А. Пырской И.П. Русский биографический словарь т. 14. СПб, 1910. С. 351 – 352
- 129 л. 2 об
- 130 Леднева Н.К. Ярославское дворянство и его корпоративные организации во второй половине XIX- начале XX в. Дисс. канд, Ярославль 2010
- 131 Леднева Н.К. Ярославское дворянство и его корпоративные организации во второй половине XIX- начале XX в. Дисс. канд, Ярославль 2010 С.90
- 132 Свод ЗРИ. Законы гражданские и межевые. Т.10. Ч.1-2 СПб, 1842
- 133 Чижикова А.С. Культура общения в семье столичного дворянина России первой половины XIX в. Дисс кин, М, ИРИ РАН, 2012: НИОР РГБ Ф.166Меньшиковы, П.3,Д.6, Л.35
- 134 Дмитриев В.А., указ соч С. 59
- 135 Инсарский В.А. Записки Василия Антоновича Инсарского, СПб.: Издание редакции «Русская старина», 1894, с.292
- 136 Пенькова О.П. Дворянство Тамбовской губернии
- 137 Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии Т.17 С.6.-7., 166
- 138 ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1428. Дело об увеличении содержания чиновникам, служащим по выборам дворянства. Л. 1
- 139 ГАЛО. Ф.69. Оп. 2. Д. 109. Переписка о дворянских выборах. 1844. Л. 87.
- 140 Русские писатели. 1800 – 1917 гг. Биографический словарь. Т. 5. М., 2007. С. 558 – 560. ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 28. Использваны материалы с сайта Анны Самаль "Виртуальная энциклопедия декабристов" - <http://decemb.hobby.ru/>
- 141 ГАРО. Ф. 98. Оп. 10 Д. 82. О дворянском роде Семеновых. Св. 84. Л. 159.
- 142 Восстание декабристов. Документы и материалы. М., 2001. Т. 20. С. 488
- 143 Использваны материалы с сайта Анны Самаль "Виртуальная энциклопедия декабристов" <http://decemb.hobby.ru/index.shtml?archive/blago>
- 144 Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 10. Рындин И.Ж. Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Вып. 1. Рязань, 2006. С. 129.